

Госпожа

Автор:

Л. Хилтон

Госпожа

Л. С. Хилтон

Джудит Рэшли #2

Она всегда добивается поставленной цели!

После открытия собственной художественной галереи в Венеции Джудит Рэшли – теперь Элизабет Тирлинк – считает, что наконец может пожить в свое удовольствие. У нее есть деньги, прекрасная квартира и гардероб, о которых она всегда мечтала, не говоря уже о том, что ею интересуется российский олигарх. Но случайная встреча на Ибнице провоцирует ряд событий, в том числе и убийство. Джудит понимает, что ее жизнь вернулась на круги своя. Оказывается, она, даже не догадываясь об этом, в панике схватила не только картину, но и кейс, в котором под подкладкой был спрятан рисунок якобы Караваджо. И вот теперь ее шантажируют, требуя вернуть этот рисунок. На этот раз на карту поставлено гораздо больше, чем ее репутация. Как далеко сможет зайти разъяренная Джудит, чтобы избежать смерти?

«Госпожа» – это стильный, эффектный остросюжетный детектив, вторая книга трилогии, в которой действует прекрасная и жестокая Джудит Рэшли, чьи поступки невозможно предсказать до последней страницы.

Впервые на русском языке!

Л. С. Хилтон

Госпожа

L. S. Hilton

DOMINA

Copyright © L. S. Hilton 2017

The moral rights of the author have been asserted.

All rights reserved.

Published in Russia by arrangement with The Van Lear Agency and Bonnier Publishing Fiction.

© Н. Пресс, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Герцогине, с благодарностью

Пролог

Вообще-то, мне хотелось покончить с этим поскорее, но я все же заставила себя не спешить: закрыла жалюзи на всех трех окнах, открыла бутылку «Гави», достала два бокала, зажгла свечи. Привычные, всем известные ритуалы успокаивают. Он поставил на пол сумку, медленно снял куртку и, не сводя с меня глаз, повесил ее на спинку стула. Не говоря ни слова, я подняла бокал и сделала глоток. Взгляд гостя оценивающе скользил по картинам, а я все молчала, выдерживая эффектную паузу в ожидании его реакции.

- Неужели это...

- Агнес Мартин, - закончила за него я. - Да.

- Очень неплохо!

- Благодарю, - довольно улыбнулась я.

Снова тишина. Густую, плотную неподвижность венецианской ночи нарушил звук шагов по кампо, и мы словно по команде обернулись к окну.

- И давно ты здесь живешь?

- Некоторое время, - ответила я.

От напускной бравады, которую он демонстрировал в баре, не осталось и следа. Парень явно чувствовал себя неловко и выглядел неприлично юным. Разумеется, начинать придется мне. Я стояла в двух шагах от него с бокалом в руке. Глядя ему в глаза, я сделала первый шаг навстречу. Сможет ли он понять, что я пытаюсь сказать ему взглядом?

Беги! Беги без оглядки!

Сделав второй шаг, я протянула руку и дотронулась до его колючего подбородка. Медленно, гипнотизируя его взглядом, легко коснулась губ - это был даже не поцелуй, а обещание поцелуя - и тут же ощутила его язык во рту. А он не так уж и плох, подумала я, но отстранилась, одним движением сорвала с себя платье, бросила его на пол, потом туда же полетел бюстгальтер. Тряхнув волосами, я медленно провела ладонями по соскам и опустила руки.

– Элизабет! – прошептал он.

У кровати стояла ванна. Я взяла его за руку и повела к кровати, застланной простынями «Фретте», но на меня вдруг напало какое-то оцепенение. Привычные ощущения внезапно исчезли, и во мне не осталось ни гнева, ни желаний. Я просто позволила ему сделать свое дело, а когда он кончил, резко села и радостно захихикала, изо всех сил изображая удовольствие. Главное – не дать ему заснуть! Растянувшись на влажной от пота простыне, я бросила жалкий сморщенный презерватив с каплей спермы на пол и повернула кран, открыв горячую воду.

– Я не прочь принять ванну и дунуть. Как тебе такой вариант?

– Конечно, не вопрос! Может, пофоткаемся?

Стоило нам потрахаться, как от его напускной галантности ничего не осталось. Чуть раньше, в баре, мне с трудом удалось отговорить его от селфи, и теперь он уже рылся в карманах валяющихся на полу джинсов в поиске своего долбаного телефона. Странно, что не выложил в Инстаграм фотографию собственного оргазма! На те недолгие секунды, что он елозил внутри меня, я и забыла, что он полный придурок. Внезапно то, что я собиралась сделать, показалось мне куда проще.

– Валяй, любовничек! Хотя погоди секунду! – бросила я через плечо, голышом прошла в гардеробную, нашарила в ящике упаковку бумажек для самокруток «Ризла» и на всякий случай вырубил Wi-Fi. Этому парню апдейты в режиме реального времени больше не понадобятся. Добавила в ванну немного холодной воды и капельку миндального масла, открыла тяжелый старинный шкаф, достала пару полотенец и села в ванну, погрузившись в облака пара со сладковатым ароматом розового масла.

– Запрыгивай! – бросила я через плечо, неторопливо вытряхивая табак из сигареты.

На ручке моей сумки был повязан платок от «Эрме» в бирюзовых и синих тонах с черкесским орнаментом, я быстро сняла его и спрятала за спиной.

– Погоди, сейчас прикурю, – шепнула я. – Вот, держи! – Я с довольным видом протянула ему косяк, в котором не было ровным счетом ничего, но узнать об этом моему незадачливому любовнику уже не доведется.

Пока он затягивался, я быстро накинула платок ему на шею и туго затянула, заправив за уши. Он тут же поперхнулся дымом, стал задыхаться и судорожно бить руками по воде. Упираясь ногами в край ванны, я изо всех сил откинулась назад, в сторону кровати, и продолжала тянуть платок. Он сучил ногами, но так и не мог опереться о скользкую от масляной воды ванну. Прикрыв глаза, я начала отсчет. В правой руке он продолжал по-дурацки сжимать промокший косяк и одновременно пытался схватить меня за запястье, но ему это не удавалось, пальцы скользили в миллиметре от моих рук. Двадцать пять... Двадцать шесть... Я не чувствую ничего, кроме дрожи в мышцах от нагрузки, не слышу ничего, кроме собственного дыхания, а его тело корчится в конвульсиях. Двадцать девять... Это ничего не значит. Тридцать... Это ничего не значит. Он стал заметно слабеть, но потом вдруг смог засунуть под платок сначала один палец, потом кулак и рывком бросил меня вперед, однако от усилия погрузился под воду, а я быстро выскочила из ванны, встала ему на грудь левым коленом и навалилась всем весом. У меня лопнул сосуд на глазу от напряжения, но моя жертва все еще билась под водой, на поверхность поднимались пузыри. Отпустив платок, я погрузила руки в воду, вслепую пытаюсь нащупать его лицо и горло. Он попытался укусить меня слегка пожелтевшими зубами, но тут пузыри перестали появляться. Сквозь розовато-молочную воду я не видела его лица. Я медленно восстановила дыхание, расслабила сведенные от напряжения мышцы лица, но только я собралась приподняться, как вода в ванне вдруг всколыхнулась и он бросился на меня. Навалившись всем телом, я оседлала его, пытаюсь не дать поднять голову. Мне снова удалось погрузить его в воду, прижав локтем, потом извернуться так, чтобы закинуть ноги ему на плечи. В таком положении мы находились довольно долго, пока с моего лица в ванну не капнула кровавая слеза.

Наверное, именно этот едва различимый звук и напомнил мне обо всем. А может быть, аромат миндального масла в поднимающемся от воды паре или прохладная пленка на поверхности воды. Тот холодный вечер, бесконечная тишина, первое мертвое тело под моими руками. Едва заметная линия разлома внутри меня превратилась в зияющую пропасть, и захватывающая дыхание сила мгновенно перенесла меня в тот день. Время словно сжалось, прошлое сконденсировалось и вернулось ко мне. Я так давно оставила ту девочку в прошлом, что уже и не вспоминала о ней. Она никогда не была живой в полном смысле этого слова, говорила я себе, но сейчас я как будто бы впервые увидела

ее. В оцепенении я снова погрузила руки в воду, но там не было ничего, кроме чужого мертвого тела. Это нужно было сделать, вот только я никак не могла вспомнить зачем. Его рука дернулась вверх, я накрыла его пальцы своими, будто играя на водяной флейте. Не знаю, долго ли я смотрела на рябь на воде: может, несколько минут, а может, и час. Когда я пришла в себя, вода уже остыла.

Наконец я вытащила из-под себя тело и обнаружила, что его глаза открыты. Значит, последнее, что он видел на этом свете, – моя раскрытая вагина.

Скользкая кожа слегка порозовела и опухла, как свежесдобитый хлеб, губы уже начали сереть. Голова запрокинулась назад, в свете свечей никаких отметин на его горле я не заметила. Схватившись за край ванны, я вылезла. Ноги предательски дрожали. Как только я отпустила его, тело тут же ушло под воду, и мне пришлось вытащить затычку, путаясь в его мокрых всклокоченных волосах. Пока вода утекала, я сходила за полотенцем, потом вытерла ему грудь и положила ладонь на сердце – ничего. Я наклонилась и потянула уставшие мышцы. Пол был залит водой, край ванны испачкан кровью и табачными крошками. Надо отмыть тут все горячей водой.

Чтобы вытащить тело из ванны, пришлось его практически обнять. Труп оказался тяжелым. Когда мне наконец удалось положить его на пол, я прикрыла тело полотенцем и села рядом, скрестив ноги. Так я просидела до тех пор, пока тело не остыло.

Слегка приподняв полотенце с его лица, я наклонилась и прошептала ему на ухо:

– Меня зовут не Элизабет, а Джудит!

Часть первая

Отражение

Восемью неделями ранее...

Одевалась я под песню Коула Портера «Miss Otis Regrets» в исполнении Эллы Фицджеральд. Эта песня всегда поднимала мне настроение. Спальню в своей квартире на площади Санта-Маргерита я превратила в гардеробную: зеркальные шкафы «Молтени» вдоль стен, туфли, сумки, шарфы – все на виду, все в зоне доступа, и это тоже поднимало мне настроение. Квартиру я выбрала на *rianoobile*, с видом на площадь и старинный рыбный рынок, отделанный белым камнем. Одну из стен гостиной я снесла, чтобы увеличить пространство, а в изножье кровати, прямо перед одним из трех арочных окон, поставила ванну на массивном основании из зеленого мрамора. Ванная комната, выложенная античными персидскими изразцами, находилась за гардеробной на месте бывшей лестничной клетки. И это были еще далеко не все радости нового дома Элизабет Тирлинк. Архитектор долго ворчал по поводу несущих балок и разрешений на перепланировку, но через девять месяцев после моего прибытия в Венецию я обнаружила, что расплата за грехи делает невозможное возможным. На стенах я развесила приобретенные в Париже картины – Фонтана, «Сусанна и старцы» и Кокто, добавив к ним еще одну современную работу: небольшую картину Агнес Мартин в белых и дымчато-серых тонах, которую приобрела на «Paddle8», онлайн-аукционе в Нью-Йорке. Кроме того, я воссоединилась и с остальными французскими шедеврами, за исключением лишь обезглавленного трупа Рено Клере, который навеки остался в наглухо заколоченном ящике в хранилище предметов искусства недалеко от Венсенского замка. Что бы там обо мне ни думал этот архитектор, утечки мне были совершенно ни к чему.

Написанное от руки приглашение на мою первую выставку выглядело из-за рамы зеркала. Элизабет Тирлинк будет в высшей степени рада видеть вас в галерее «Джентилески»... Делая прическу, я вновь перечитала эти слова. У меня все получилось! Я стала Элизабет, а Джудит Рэшли теперь не более чем призрак из прошлого, лишь имя в паспорте, который лежит в ящике моего письменного стола и которым я никогда не пользуюсь. Я ласково провела рукой по аккуратному ряду вешалок с платьями, наслаждаясь гладкостью джерси и обволакивающим весом натурального шелка. На открытие я собираюсь пойти в приталенном платье из темно-синей чесучи от «Фиге», которое сзади застегивалось на крошечные пуговицы из золота и бирюзы, на манер чонсама. Ткань глубокого, насыщенного цвета сияла в моих руках. Для Элизабет я

выбрала стандартный строгий образ галерейщицы, но где-то в глубине моей души ретиво потряхивал гривой молодой единорог. Я посмотрела на свое отражение и медленно улыбнулась: Ливерпуль остался далеко позади.

Одна из работ, на которой моей матери удалось задержаться хотя бы ненадолго, была работа уборщицы в доме около Сефтон-парка, уютного викторианского уголка с деревьями и оранжереями практически в центре и всего в трех автобусных остановках от нашего жилья. Однажды, когда мне было лет десять, в конце учебного дня я поняла, что забыла ключи от дома, и пошла искать маму.

Дома здесь были огромные, исполины из красного кирпича, с большими панорамными окнами. Я несколько раз позвонила, но никто не открывал. Ужасно нервничая, я попробовала открыть дверь. В коридоре пахло мебельным лаком, стоял слабый аромат цветов, на паркете лежал яркий коврик, а все пространство от входа до широкого лестничного пролета на второй этаж было заставлено стеллажами, полными толстых, тяжелых на вид книг. Здесь было так тихо. Стоило мне прикрыть за собой дверь, как все звуки тут же стихли: ни бормотания телевизора, ни резких криков ссорящихся супругов, ни визга играющих детей, ни рева двигателей, ни скребущихся домашних животных. Осталась только... тишина. Мне захотелось дотронуться до корешков книг, но я не осмелилась. Я еще раз позвала маму, и она вышла в коридор в спортивном костюме, который надевала во время уборки.

– Джудит! Ты что тут делаешь? С тобой все в порядке?

– Да, я просто ключи забыла.

– Ты до смерти меня напугала! Я уж решила, что это грабители! – воскликнула она, устало потирая лоб. – Придется тебе подождать, я еще не закончила.

Внизу около лестницы стоял большой стул, а рядом с ним – торшер. Я включила свет, и вся комната словно стала более сконцентрированной и сияющей, наполненной спокойствием и уединением. Скинув с плеч школьный рюкзак, я аккуратно поставила его рядом со стулом, а потом вернулась к стеллажам. Думаю, я выбрала книгу по корешку – ярко-розовый, с золотыми тисненными буквами. «Вог, Париж, 50 лет». Книга оказалась посвящена моде, там было множество фотографий женщин в экстравагантной одежде и украшениях, лица

скрыты за маской идеального макияжа. Медленно я перевернула страницу, потом еще одну, погрузившись в транс от насыщенных, элегантных цветов. С одной из фотографий на меня смотрела женщина в ярко-синем бальном платье с пышной юбкой, она перебегала через дорогу, будто на автобус опаздывала. Я уставилась на фотографию как замороженная. Потом перевернула страницу и снова впала в транс, потом еще и еще. Не знаю, сколько времени я провела за этим занятием, но пришла в себя, лишь когда поняла, что умираю от голода. Я встала со стула, скрипнул паркет, я аккуратно положила книгу на стул, но тут одна из дверей вдруг распахнулась, и я в испуге обернулась с виноватым видом, как будто что-то натворила.

– Ты что здесь делаешь? – произнес резкий женский голос, в котором угадывались нотки страха.

– Извините... Простите. Меня зовут Джудит. Я ключи дома забыла и зашла за мамой, она сказала мне подождать, – пробормотала я, смущенно указав на дверь, за которой моя мама скрылась, как мне на тот момент показалось, уже несколько часов назад.

– Ах вот оно что... Понятно. Она еще не закончила? – спросила дама и сделала мне знак следовать за ней по коридору, ведущему на большую уютную кухню. – Вы здесь?

Позади стола стоял диван, а рядом на полу валялись яркие подушки, на которых лежала моя мама.

– Вы здесь? – повторила дама.

Мне показалось, что я увидела бутылку вина на полу раньше хозяйки дома, но, судя по ее усталому тону, такое случилось уже не в первый раз. Наверное, мама нашла бутылку в холодильнике.

– Я просто прилегла отдохнуть, – принялась оправдываться мама, а меня обдало ледящей волной стыда.

– Мы ведь с вами уже об этом говорили, правда? – произнесла хозяйка, подходя к дивану и помогая маме сесть, настойчиво, но без какой-либо агрессии. – Мне очень жаль, но думаю, вам лучше больше здесь не появляться. За вами пришла

дочь, – произнесла она со значением, давая понять, что ей меня жаль.

– Извините, я просто... – Мама теребила комбинезон, пытаясь взять себя в руки.

– Все в порядке, – еще более сдержанным тоном произнесла хозяйка, – но вам лучше уйти. Пожалуйста, соберите свои вещи, а я пока принесу деньги.

Она совершенно не собиралась устраивать скандал, вот что было удивительно. Просто чувствовала себя очень неловко оттого, что ей приходится этим заниматься, а сдержанным, профессиональным тоном она пыталась прикрыть смущение. Ей хотелось, чтобы мы поскорее покинули ее дом и разбирались со своими проблемами самостоятельно.

Я пошла к выходу и остановилась у дверей с рюкзаком в руках. Мне не хотелось слушать их разговор. Хозяйка, протягивая маме две двадцатифунтовые банкноты, должно быть, заметила, что я не свожу глаз с той самой книги.

– Хочешь ее взять? В подарок? – спросила она и, не дожидаясь ответа, впихнула ее мне, не глядя в глаза.

– Высокомерная корова! – бормотала мама, таща меня к автобусной остановке.

В автобусе она отдала мне ключ от дома и вышла на остановку раньше, у паба. Я с тревогой подумала о лежащих в ее кармане сорока фунтах. Больше нам этих денег не видать. Сделав себе сэндвич с фасолью, я достала из рюкзака книгу. Внутри обложки оказался ценник: книга стоила шестьдесят фунтов. Шестьдесят фунтов, и она просто взяла и подарила ее мне! Я аккуратно убрала свое сокровище под кровать и заглядывала в книгу так часто, что вскоре выучила наизусть имена всех фотографов и модных дизайнеров. На самом деле меня не так уж интересовали сами наряды, просто мне казалось, что у людей, которые носят такую одежду, совсем другое ощущение себя. Если ты обладаешь такими вещами, то каждый день можешь выбирать, кем хочешь быть, и контролировать с помощью внешнего вида то, что происходит у тебя внутри.

Я надела туфли на высоком каблуке, предварительно протерев их прилагавшейся бархатной тряпочкой. Если у Элизабет Тирлинк и было что-то

общее с Джудит Рэшли, так разве что отсутствие у обеих прислуги. Для того чтобы стать Элизабет, в результате мне потребовалось куда больше, чем просто дорогой гардероб. Доспехи по-настоящему защищают, лишь когда они невидимы. Вот на это и ушли все мои силы. Не на учебу и экзамены, а на поддержание уверенности в том, что я способна победить в этой битве и выбраться из трущоб, где выросла. Не позволить матери затянуть меня в болото своей ущербной жизни. Устоять перед искушениями, перед злобными голосами в школьных коридорах, каждый день шептавшими за моей спиной, что я «сука» и «шлюха», просто потому, что мне хотелось большего. Я научилась ненавидеть одноклассниц и не замечать их, потому что всех их через несколько лет ждало одно и то же: обрюзгшие лица и поездки в автобусах с детскими колясками! Это все оказалось довольно просто. Куда сложнее другое: уничтожить в себе малейшие следы рабочего класса, с разинутым ртом взирающего на всю эту роскошь, когда мне наконец-то удалось поступить в университет. Вот что самое важное, вот что в первую очередь бросается людям в глаза. Мне пришлось убить в себе не просто грустную девочку, мечтательно разглядывающую под одеялом модные фотографии и скромную коллекцию открыток с шедеврами живописи, но еще и жалкую, рвущуюся на свободу душу. В один прекрасный день я села на поезд на Лайм-стрит и отправилась на юг. Больше ту девочку никто никогда не видел. Медленно, но верно я избавилась от акцента, научилась вести себя как подобает, выучила иностранные языки, отполировала и укрепила свои линии обороны с виртуозностью, достойной скульптора, ваяющего мраморную статую.

Однако и это было лишь началом моего пути к Элизабет. Некоторое время я работала в престижном аукционном доме в Лондоне и думала, что наконец-то достигла цели, но у меня не было ни денег, ни связей, а значит, и шансов стать чем-то большим, чем девочкой на побегушках для всего отдела. Я стала работать в ночную смену в клубе под названием «Гштад», думая, что стоит мне заработать на костюм получше и начать стричься в салоне подороже, как все наладится. Однако последних иллюзий на этот счет я лишилась, когда обнаружила, что Руперт, мой начальник, участвует в махинациях и продает клиентам подделки. Через пять минут после этого откровения он, недолго думая, указал мне на дверь. Один из клиентов клуба, Джеймс, предложил мне съездить с ним на выходные на Ривьеру, и с того самого уик-энда жизнь моя стала несколько... сумбурной. Тем не менее я сумела извлечь из всей этой ситуации выгоду, когда мне удалось отследить и продать ту самую подделку, из-за которой меня уволили, а на вырученные деньги переехать в Париж и стать арт-дилером. Должна признаться, не обошлось и без целого ряда досадных происшествий. Бедняга Джеймс в Лондон живым не вернулся, хотя в этом я, строго говоря, и не виновата. Дилер, у которого я украла поддельную картину,

Кэмерон Фицпатрик, моя бывшая одноклассница Лианна, работавший под прикрытием итальянский полицейский Рено Клере и его сообщник, владелец секс-клуба в Париже, Жюльен, тоже отправились в мир иной. Из практических соображений мне пришлось переехать в Венецию под именем Элизабет Тирлинк. В немалой степени мое решение было связано с желанием избежать несколько навязчивого внимания со стороны некоего инспектора полиции Ромеро да Сильвы, коллеги Рено. Немало полировочной жидкости утекло, пока я заметала следы. Однако Элизабет оказалась неплохим прикрытием, ее блеск отражал лишь то, что людям хотелось видеть. Правду же говорят: встречают по одежке – провожают по уму.

2

– Мисс Тирлинк? Элизабет Тирлинк?

– Да, это я.

– Меня зовут Таге Шталь. Прошу простить за то, что явился вот так, без приглашения, но меня просто заворожили ваши картины.

– Приятно слышать.

– Давно ли существует ваша галерея?

– Нет, что вы! Мы открылись этой весной.

– Что ж, помещение просто чудесное!

– Благодарю! Надеюсь, вы получите удовольствие от показа!

Клиент растворился в толпе, которая казалась толпой лишь на первый взгляд, ведь в галерею «Джентилески» было приглашено всего около тридцати человек. Да, помещение можно было пройти за пятнадцать шагов, но зато с каждым шагом я ощущала, что оно принадлежит мне. Галерея располагалась на первом этаже зданий, ранее принадлежавших военно-морскому флоту, и находилась на дальней оконечности острова, около морского вокзала Сан-Базилио: типичные функциональные постройки XIX века, резко выделявшиеся на фоне

великолепного вида на восточную сторону Гвидекки. Красота Венеции – скучная тема, на которую сложно сказать что-то новое, но за это я и полюбила свою галерею, она была символом источника бесконечного очарования города, которое появилось благодаря кораблям, труду до седьмого пота и специям.

На первую презентацию в Италии я привезла группу сербских художников «Ксаок коллектив», выбившихся в люди из какого-то сквота в Белграде. Их работы – вышитые коллажи и полотна, изображавшие необычные объекты, – были выполнены в народном стиле, намеренно аполитичны, просты и приятны как для глаза, так и для кошелька. И что немаловажно, они продавались, причем с успехом. Я решила устроить скромное открытие галереи в августе. Еще весной Элизабет Тирлинк успела познакомиться с разными нужными людьми во время проходившего через Венецию каравана завсегдаев биеннале, но до статуса известной галерейщицы ей было еще далеко. Относительно тихие месяцы кинофестиваля, когда город полностью принадлежит туристам и огромному количеству обслуживающих их венецианцев, были идеальным временем для укрепления репутации, завязывания необходимых знакомств и тщательной проработки новой идентичности перед следующим биеннале.

Эти недели я провела за рассылкой приглашений на просмотр, составлением краткого пресс-релиза, выбором идеальной серой льняной бумаги для каталога и переговорами с фирмой, занимавшейся побелкой стен галереи. Ценители современного искусства воспринимают исключительно белые стены – это такой же факт, как и то, что все они ожидают, что картины окажутся нонконформистскими, двусмысленными и деструктивными. Мои текущие рабочие задачи несильно отличались от того, что входило в мои обязанности на дневной работе в «Британских картинах» в Лондоне, но теперь все было совершенно иначе. Во-первых, у меня появился настоящий рабочий стол «Полтрона T13», изготовленный по образцу модели Альбини 1953 года и производивший глубочайшее впечатление на посетителей, по крайней мере на итальянцев. За этим столом я могла сидеть сколько угодно, и некому было упрекнуть меня в том, что я ничего не делаю. Ассистента я нанимать не торопилась, а просто наняла нескольких студентов местного университета, чтобы те разносили гостям просекко и принимали у них верхнюю одежду, но они обращались ко мне «синьора Тирлинк», а не «Эй-Как-Там-Тебя».

На секунду мне отчаянно захотелось забыть обо всем произошедшем, перенестись обратно во времени и показать более молодой версии себя, что ее ждет в будущем. Посетители и бокалы с просекко были настоящими,

настоящими были и написанные от руки ярлыки, которые студенты один за другим прикрепляли к картинам, чтобы показать, что данный объект уже зарезервирован. И даже я сама – такая невозмутимая, безупречная, уверенная в себе, – даже я была настоящей. Мой успех можно было назвать относительно скромным, но меня это не смущало – напротив, я была в полном восторге.

На другом конце зала тот самый Шталь, судя по внешности – скандинав, лениво листал мой тщательно составленный каталог. Подозвав к себе одного из студентов, он полез за бумажником. Значит, хочет что-то купить, подумала я и уже собиралась подойти к нему, как кто-то вдруг взял меня за локоть. Обернувшись, я увидела серьезного пожилого господина, одетого в строгий твидовый пиджак, несмотря на жару. Сначала я решила, что это просто заблудившийся турист или случайно забредший сюда профессор из расположенного неподалеку Университета Ка'Фоскари, но по первым же сказанным им по-английски словам поняла, что он русский, и нервно пробормотала:

– Добрый вечер!

– Вы говорите по-русски?

– Всего пару слов, к сожалению. – Я перешла на английский: – Чем могу быть полезна?

– Вы Элизабет Тирлинк?

– К вашим услугам.

Слегка поклонившись, он протянул мне визитку, на которой было написано «Доктор Иван Казбич» и адрес какой-то галереи в Белграде. Наверное, слышал про мои дела с «Ксаок».

– Чудесно. Я должен поговорить с вами от лица моего работодателя. Не найдется ли у вас свободной минутки?

– Ну разумеется, – заинтригованно ответила я.

– Я бы предпочел переговорить с вами наедине.

– Хорошо, – ответила я, взглянув на часы и обнаружив, что уже половина восьмого. – Вы не могли бы немного подождать? Показ вот-вот закончится.

Мой собеседник огляделся по сторонам. Шталь явно купил три последние картины, поскольку на всех экспонатах уже красовались ярлыки с надписью багровыми чернилами: «Продано».

– Вы, должно быть, очень довольны, такой успех...

– Да, благодарю вас. Прошу прощения, я ненадолго отойду, – сказала я и направилась к Шталю, который не спешил уходить, в то время как остальные гости уже толпились у выхода, прощаясь и обмениваясь планами на вечер.

Он спросил, не хочу ли я сходить вместе с ним в «Гарри бар», и тогда мне сразу стало все понятно на его счет. Венеция – величайшее творение рук человеческих, так почему же люди решают пойти ужинать в единственное место, где совершенно не на что смотреть, кроме как на унылую гротескную клиентуру? Взяв себя в руки, я объяснила, что у меня назначена встреча, и вежливо, но настойчиво выпроводила его на набережную, где слегка подернувшееся вечерней дымкой небо уже начинало менять цвет с сапфирового на медовый. Я поблагодарила за помощь студентов, которые к тому времени уже сложили каталоги в аккуратные стопки и убрали пустые бутылки и бокалы, расплатилась с ними наличкой, проводила до дверей и вернулась к доктору Казбичу.

– Прошу прощения, что заставила вас ждать.

– Ну что вы.

Казбич сообщил, что работает на коллекционера, который заинтересован в экспертной оценке стоимости своей коллекции, размещенной во Франции, и спросил, предоставляю ли я подобные услуги. Я давно ничем подобным не занималась, но, пока работала в «Британских картинах», несколько раз проводила оценку картин, и результаты оказались впечатляющими. Коллекция у клиента довольно серьезная, продолжал русский, и я прекрасно понимала, к чему он клонит. Я спросила, не хочет ли его клиент воспользоваться услугами

одного из экспертов Международного фонда исследований в искусстве. Тут дело не в провенансе, тут же парировал мой собеседник, слегка улыбнувшись и дав мне понять, что мы оба прекрасно понимаем, о чем идет речь. В данном случае желательно, чтобы оценку провел частный эксперт. Что ж, значит, дело тут нечисто, и нам обоим это прекрасно известно. Уважающая себя девушка не должна принимать такие предложения, ну или по крайней мере сначала надо узнать, какова, собственно, цена вопроса. Словно поняв мой намек, доктор тут же сообщил, что его загадочный работодатель, разумеется, берет на себя все расходы, платит 20 000 евро за консультацию и еще 100 000 после получения отчета в письменном виде. Для начала мне предлагается приехать и оценить работы, а затем за две недели составить отчет по оценке их стоимости.

- Ваше предложение звучит крайне заманчиво, - не раздумывая, ответила я.

Люди, готовые платить такие деньги, обычно ждать не любят. Что клиент будет делать с моим отчетом, меня не касается. Доктор Казбич протянул мне толстый конверт цвета свежесбитого масла и терпеливо ждал, пока я открою его. Внутри был проект договора по открытию банковского счета на Кипре на имя Элизабет Тирлинк и еще один листок бумаги, на котором было написано только имя: Павел Ермолов.

Некоторое время я ошарашенно смотрела на листок, а меня, надо сказать, не так-то легко удивить. Павел Ермолов! Я смогу своими глазами увидеть коллекцию Павла Ермолова, и более того, он считает, что я этого достойна! Думаю, Казбич понимал: это такой уникальный шанс, что я с радостью согласилась бы на это предложение и бесплатно.

Коллекция Ермолова была окутана тайной, о ней ходили и легенды, и завистливые сплетни. Олигарх во втором поколении, он имел репутацию очень серьезного покупателя, но лично на показах никогда не появлялся, предпочитая приобретать предметы искусства через цепочку взаимозаменяемых, анонимных посредников. За последние пять лет с его именем связывали крайне удачные покупки: Матисс, Пикассо, и что несколько удивительнее, Джакомо Понтормо и Поллок однозначно были куплены от лица одной из его компаний. А еще его считали владельцем Боттичелли Джеймсона.

Работы получили такое название по имени американского мафиози, которому каким-то образом удалось вывезти их из Италии еще в XIX веке, о дальнейшей судьбе Боттичелли было известно лишь по слухам, на основе которых позднее

была создана настоящая теория заговора. Двойной медальон «Благовещение» и «Мадонна с Младенцем» – эти картины не выставлялись на обозрение публики более ста пятидесяти лет. Некоторые знатоки в Интернете вообще сомневались в существовании этих картин и утверждали, что те погибли во время пожара в нью-йоркском доме Джеймсона, а затем противозаконным образом были повторно застрахованы, чтобы восстановить пошатнувшееся благосостояние третьего поколения семьи Джеймсона, другие сообщали, что видели картины то ли в Катаре, то ли в Корее. Имя Ермолова всплыло в этой истории около десяти лет назад в связи с какой-то мутной сделкой в Цюрихе, но никто с точностью не знал, действительно ли он является владельцем этих картин.

– Да, я согласна. Пожалуйста, передайте господину...

– Ш-ш-ш! – не дал он мне договорить, театральным жестом поднес палец к губам. – Мой клиент ожидает соблюдения строжайшей конфиденциальности!

– Разумеется! Прошу прощения!

– Ну что вы, мисс Тирлинк, не за что. Когда будете готовы к поездке, пожалуйста, свяжитесь со мной по указанному на визитной карточке телефону, и я займусь всеми необходимыми приготовлениями.

Я закрыла за ним дверь галереи и подумала, что если бы на нем была шляпа, то он обязательно галантно коснулся бы ее на прощание.

Спустя некоторое время я лежала в своей роскошной ванне в квартире на площади Санта-Маргерита с бокалом «Соаве» в одной руке и визиткой доктора Казбича в другой, сжимая ее, словно талисман. Я обожала принимать ванну по вечерам, слушать доносящиеся с площади детские крики, визг девочек, использовавших бельевые веревки вместо скакалок, мальчишек, игравших в футбол и катавшихся на скейтах, пока рыночные торговцы убирали ящики с кальмарами и молече, а кафе потихоньку наполнялись туристами и студентами. Здесь было как-то по-домашнему уютно.

Лежа в ванне, я пыталась представить себе работы из коллекции Ермолова. Единственное, по чему я скучала после увольнения из «Британских картин», были сами картины. Пока что мне удавалось не иметь дела с искусством,

вызывавшим у меня отвращение, однако я не пыталась обманывать себя и убеждать в том, что картины, выставленные на продажу в галерее «Джентилески», представляют собой нечто большее, чем более или менее правдоподобный отстой. Я скучала не только по непосредственному острому переживанию прекрасного, но и по уникальной возможности проводить время рядом с шедеврами, по почти эротическому ощущению предвкушения того, как они медленно открываются зрителю, по ощущению погружения в картины, на которые можно было смотреть снова и снова и всякий раз испытывать глубокие чувства от восхищения до отвращения. Никогда не забуду первое посещение Национальной галереи, куда мы поехали с классом. С тех пор я доверяла только картинам. Лишь они никогда не предавали меня. Ну и сигареты, наверное.

Раздумывая о планах на осень, я поняла, что предложение Ермолова было не только крайне лестным, но и идеально подходило по времени. Выручка с показа балканских художников на некоторое время покроет расходы на галерею, а вот на квартиру и ее перепланировку мне пришлось потратить чуть больше половины всех моих сбережений. Богатство – ужасно дорогая привычка... Когда я приехала в Венецию девять месяцев назад, то вполне могла бы просто снять квартиру, но так изголодалась по своему месту, по собственному дому – по дому, который наконец-то безусловно можно назвать своим, что ни о какой экономии не могло быть и речи. Квартира была оформлена на «Джентилески», оплачена наличными с панамского счета галереи. Со временем я надеялась перейти на вторичный рынок и заняться продажей картин с провенансом, но на данный момент денежных потоков было недостаточно для занятий чем-то, кроме «молодых художников», не дороже ста тысяч за работу. Однако новодел, ценность которого сводилась исключительно к денежному эквиваленту, мог оказаться довольно выгодным делом, если правильно уловить последние модные тенденции. Надо было срочно отыскать сенсацию для нового сезона – новое имя, которое я смогла бы дешево купить и дорого продать следующей весной. Пока меня заинтересовала одна девушка из Дании, я видела онлайн-трансляцию ее выпускного показа в Центральном колледже искусства и дизайна имени святого Мартина в Лондоне, и там была серия простых графических полотен, изображавших обладавшие непонятной притягательностью золотистые шары на мрачноватом фоне. Мне казалось, что эти работы будут очень неплохо смотреться в тягучем сумеречном свете лагуны. Возможно, частный показ на закате, если удастся заполучить правильных клиентов... Затем надо было срочно подучить русский, который оказался крайне нужным языком в сфере моей деятельности, потому что так много русских стали скупать искусство на Западе. Я давно подумывала об этом, но, судя по последним событиям, русский понадобится мне куда раньше, чем я предполагала. Разумеется, я совершенно

не рассчитывала бегло говорить с Ермоловым на его родном языке (если мы с ним вообще встретимся лично), но я совсем потеряла навык и понимала, что нужно подтянуть произношение, чтобы быть в состоянии поддержать разговор на самые простые темы.

Не откладывая дело в долгий ящик, я нашла репетитора – бывшую оперную певицу Машу, которая жила в настоящей мансарде за театром «Ла Фениче». Родилась моя преподавательница в Венеции, в семье русских оперных певцов, которые, по ее словам, сбежали из Советского Союза во время турне по Италии сразу после Второй мировой войны, однако по-итальянски она все равно говорила с сильным акцентом, а тускло освещенная студия, до которой надо было подняться на шестой этаж по очень узкой лестнице, напоминала декорации к любительской постановке какой-нибудь пьесы Чехова. Все свободные стены, не завешенные тяжелыми шаями с бахромой, занимали иконы. В квартире был настоящий самовар, целые стеллажи русской поэзии и едва уловимый запах топленого свиного жира. Маше было около восьмидесяти, она ни разу не была в России, но всегда считала себя настоящей белой эмигранткой и много рассказывала о жизни родителей в Петербурге, хотя на самом деле все знания она почерпнула из русских романов и презрительно поправляла дикторов на русских радиостанциях, которые включала во время занятий. «-офф, – с отвращением в голосе шипела она, закатывая глаза под густой челкой крашенных в черный цвет волос, – а не -ов! Трагедия, трагедия!» – повторяла она, как будто неправильное произношение отчества было преступлением страшнее, чем все злодеяния сталинизма. В целом можно сказать, что она была великолепной старой мошенницей. Наверное, поэтому я так любила ее.

3

Как выяснилось, времени на дополнительные занятия у меня оставалось предостаточно, поскольку приготовления к оценке коллекции Ермолова заняли чуть больше месяца. Для богатых людей время скалярно – так говорил мой друг Стив, успешный игрок на бирже, на чьей яхте «Мандарин» я нашла не только временное убежище, но и стартовую площадку для моей галереи. Богатые люди вообще не воспринимают всерьез то, что им говорят нижестоящие, а календарь всегда можно изменить и адаптировать к их потребностям. Доктор Казбич дал мне номер некой мадам Пулазан, личной ассистентки Ермолова, которая разговаривала со мной довольно сурово, назначила встречу, а потом перенесла ее на другой день, и так несколько раз в течение последовавших недель. Я с

облегчением узнала от нее, что в моем распоряжении будет частный самолет, но дважды съездила в аэропорт на водном такси напрасно – оба раза Ермолов отменил встречу. Он был то в Сан-Паолу, то в Нью-Йорке, то на срочной встрече в Лондоне, то просто занят.

Постоянные отсрочки дали мне время оценить потенциальную коллекцию, записать последние данные о продажах картин, предположительно принадлежавших Ермолову, сравнить цены по «Артпрайс индекс» и добавить к этому информацию о перемещении картин, появившихся на рынке за последние десять лет. Когда наконец настал час икс, я чувствовала, что сделала все возможное для подготовки к встрече. В процессе своих изысканий я узнала, что Ермолову принадлежат четыре самолета, а его «Дассо» был уникальным даже по меркам аэропорта Марко Поло, и вовсе не благодаря приятному, неяркому синему цвету, а потому что у трапа меня встречали четверо членов экипажа, как будто я прибыла с официальным визитом на государственном уровне. Две стюардессы все время поправляли свои изящные пилотки, которые норовил сорвать ветер.

На взлете я отказалась от водки, шампанского, блинов с икрой, капустного сока холодного отжима и, слегка поморщившись, приняла бутылку воды «Армани». Пока мы поднимались над облаками, я наблюдала за розовыми скалами Доломитов, разглядывая покрытые первым снегом вершины, а потом вернулась к просмотру записей касательно босса неутомимых стюардесс. Ермолова знали все, но мне удалось узнать лишь то, что на самом деле никто не знал о нем ничего конкретного. Он был типичным олигархом новой школы: сначала подготовка в органах, ранее известных как КГБ, обширные интересы в сфере полезных ископаемых и промышленной агрономии, хорошие связи в правительстве, официально гражданин Российской Федерации, но имеет недвижимость во Франции, Лондоне, Англии и Швейцарии. В одной из статей журнала «Архитектурный дайджест», посвященной дизайнеру Таис Бин, была фотография люстры, которую она создала для альпийского домика Ермолова. Я с удивлением узнала, что, помимо всего прочего, он занимался политикой и являлся губернатором одной из кавказских республик, откуда и сам был родом, однако, немного почитав о других губернаторах, я поняла, что все это общепринятый способ демонстрации преданности старушке России. Из журналов «Форбс», «Спирс», «Файненшиал таймс» ничего интересного мне узнать не удалось. Я попробовала почитать номера «Российской газеты» и русского финансового журнала «Ведомости», но, несмотря на все старания Маши, моего русского для этих задач было недостаточно. Ермолов, как ему и полагалось по статусу, посещал благотворительные вечера с участием разных

популярных умников, светился в Давосе и на Йерба-Буэна, разумеется, фотографировался с Элтоном Джоном и Боно, но по сравнению с его предшественниками из последнего поколения постсоветских ковбоев не был особо колоритной фигурой. Его состояние было достойно уважения и сомнений не вызывало. Коллекция, конечно, оставалась загадкой, но, поскольку Ермолов не посещал крупных биеннале и не был замечен папарацци на междусобойчике в «Гараже» в Москве, мне пришлось прийти к выводу, что, возможно, он и правда любит искусство.

Мы приземлились в Ницце, и стюардессы проводили меня к ожидавшему там «майбаху», такого же синего цвета, как и самолет. Рядом с автомобилем меня встречал стандартный Шрек-в-Костюме, с кобурой на поясе и бычьей шеей. Я оценила его дружелюбный настрой: казалось, мы старые друзья, но даже не знаю, по-моему, телохранитель и личный водитель – это уже перебор. Громила сидел впереди, машина неслась по автобану в сторону Тулона, свернула сразу за Сен-Тропе, потом остановилась перед воротами, водитель ввел код доступа, и мы снова поехали по платановой аллее, листва уже золотилась осенними красками. Дорога все время шла то вверх, то вниз, а далеко впереди призывно мерцало Средиземное море. Вскоре мы уперлись еще в одни ворота, но на этот раз водитель свернул с дороги, проехал по бетонной аппарели, дверь гаража тут же поднялась, и мы въехали внутрь. Машина двинулась дальше, окруженная неожиданным голубоватым светом, затем поднялась еще одна дверь, и мы очутились в тесной бетонной коробке с низким потолком. Водитель открыл дверь и показал мне на круглую стеклянную будку в небольшой нише прямо в стене:

– Будьте любезны, мадам, зайдите сюда. Это всего на секунду.

Изогнутая дверь кабины медленно закрылась, на потолке загорелись какие-то лампочки, раздалось жужжание – видимо, рентген? Потом меня выпустили, и водитель с олимпийским спокойствием подверг той же процедуре мой багаж, после чего отнес сумки к лифту у противоположной стены. Втроем мы молча поднялись наверх, а когда двери открылись, я увидела такой вид, что даже засмеялась от восторга.

Мы стояли на вершине пологого холма, гравийная дорожка вела прямо к вилле Ермолова, утопавшей среди сосен и тополей, внизу плескалось море. Сам дом XIX века был бледно-розового цвета, вычурный и фривольный, словно свадебный

торт, подходящее жилище для куртизанки из романа Колетт, идеальное место для свиданий в кустах жасмина и на чужих постелях. Такой дом когда-то был изображен на оборотной стороне карточки посетителей казино Монте-Карло. После слегка зловещей процедуры досмотра под землей от этой милой картины веяло тонким, изысканным ароматом мира грез безвозвратно уходящего *fin de siècle*. Когда мы подошли к двойным дверям из светлого известняка, украшенным массивной львиной головой, с обеих сторон дорожки включился фонтан, и мы как будто бы прошли прямо под радугой. Еще немного – и заиграет вальс, подумала я. Иногда вульгарность – чертовски приятная штука!

В меру внушительных размеров дворецкий проводил мисс Тирлинк в приготовленную для нее комнату на втором этаже. Распахнулись очередные двойные двери, и я очутилась в небольшой восьмиугольной прихожей, отделанной панелями из розового дерева. По одну руку находился балкон, по другую – спальня. Однако я практически ничего не видела – меня, будто волной, накрыло тяжелым ароматом лилий, я с трудом пробормотала «спасибо» и рухнула на кровать. На мгновение я как будто бы очутилась в другой комнате из прошлого, в комнате, где я сидела рядом с огромным жирным телом, которое после смерти казалось таким уязвимым. Как и тогда, мне пришлось подождать, пока кровь не перестанет шуметь у меня в ушах.

Возможно, я слишком поверхностный человек, но я стараюсь поменьше времени тратить на размышления о прошлом. Непредвиденные обстоятельства и реакция на них – вот что главное. Однако в этой комнате и правда пахло точно так же, как в номере в отеле «Дю-Кап-Эден-Рок», где я нашла мертвым Джеймса, о котором так давно не вспоминала. На какой-то момент огромная композиция из лилий с пергаментными лепестками заставила меня подумать, что на самом деле я никогда не покидала того номера. А вдруг я и правда до сих пор сижу там и навеки обречена дрожащими руками рыться в бумажнике мертвеца?

На тумбочке рядом с вазой лежал знакомый желтоватый конверт. Я открыла его одной рукой и зубами, а второй тем временем методично ломала стебли лилий возле головок, с каждым очередным стеблем все дальше и дальше отдаляясь от неприятных воспоминаний. С тычинок осыпались облачка оранжевой пыльцы, пачкая мои манжеты. В записке было сказано следующее:

Мисс Тирлинк,

надеюсь, Вы хорошо добрались и разместились с удобством. Прошу Вас сразу же сообщать, если Вам что-то потребуется. Когда Вы будете готовы, Вам покажут коллекцию, а затем я буду рад отужинать с Вами. Благодарю Вас за то, что Вы приняли мое приглашение.

Искренне Ваш,

П. Ермолов.

Я перечитала текст еще несколько раз и пришла в себя лишь тогда, когда на пол упала последняя лилия. Чудесная шелковая блузка от «Клоэ» безнадежно испорчена!

– Какого черта, Джудит! Давай-ка убери это все! – произнесла я вслух, но тут же замолчала.

Да, ковер испорчен, но в моем новом мире об этом позаботится кто-нибудь другой. Я уже давно перестала быть той девушкой, которая в панике пыталась взять себя в руки, оказавшись наедине с трупом в душном гостиничном номере. Я богата, независима, свободна, и я здесь! Сама по себе, с исключительно профессиональными интересами! Я живое доказательство того, что если верить в себя и идти за мечтой, то можно стать кем угодно, не правда ли? А о мертвых доказательствах, пожалуй, не будем вспоминать. Главное во мне – сила здесь и сейчас! Кому нужны копания в прошлом? Да пошел этот Пруст вместе с его тетужкой и чаем из липового цвета! Я прошла в ванную, подержала запястья под ледяной водой, потом быстро приняла душ, переделалась, поправила макияж и твердой рукой заколола волосы. Мне многого удалось добиться, и какой-то дурацкий запах из прошлого не собьет меня с пути! За работу, Джудит!

К тому времени как меня проводили к минималистской кубической постройке, где Ермолов хранил свои сокровища, я уже окончательно пришла в себя. Для этого вечера я выбрала черное платье-рубашку от «Макс Мара» и грубые сабо «Марни» – жуткие, но в сочетании с тончайшим шелком выглядело довольно богемно. В брифкейс я положила рулетку, таблицу размеров, фонарик и увеличительное стекло. Удивительно, как много подделок сошли за подлинники лишь из-за того, что эксперты пренебрегли такими простыми вещами. Еще я прихватила старый поляроид, поскольку фотографировать картины на телефон,

разумеется, никто не разрешит. Слуга передал меня в руки неодобрительно смотревшей на меня француженке в строгом костюме, походившем на униформу стюардесс Ермолова. Это и оказалась та самая мадам Пулазан, ассистентка, с которой мы договаривались о встрече. Разговаривала она по делу и вежливо, но наградила и мои ноги, и мой брифкейс таким многозначительным взглядом, что я сразу же поняла, насколько ей ненавистен сам факт моего присутствия. Что, я слишком молода или недостаточно благоговею от увиденного? Матовые стеклянные двери открылись после сложной процедуры сканирования сетчатки и ввода всех нужных кодов доступа, и мы оказались в тускло освещенном холле, пропитанном запахом озона и лака.

– Итак, мадемуазель. Вот соглашение о неразглашении. Вашу подпись, пожалуйста, здесь, здесь и здесь.

Договор был аж на трех страницах, на английском, и оказался настолько подробным, что мне пришлось не просто отказаться от права обсуждать содержимое коллекции с кем бы то ни было, а фактически пообещать стереть ее из памяти. Но что поделаешь, подумала я и быстро нарисовала подпись Элизабет в нужных местах. Мадам просканировала меня каким-то прибором с подсветкой, напомиравшим продвинутый вибратор, подозрительно перерыла все мои бумаги и наконец с победоносным видом извлекла из брифкейса поляроид.

– Это запрещено!

– Он понадобится мне для проведения оценки.

– Вы не доверяете своим глазам? – усмехнулась она.

Я вполне могла бы ответить ей, что не доверяю Ермолову, но это бы ни к чему не привело, поэтому я вежливо предложила ей позвонить начальству и спросить разрешения на фотоаппарат, а потом с наслаждением разглядывала отвратительную гримасу на ее лице, когда разрешение было дано. Еще один длиннющий код для последнего замка, и мы наконец вошли в зал.

Пол в зале оказался малахитовый, но стук моих сабо по гладкой поверхности доставлял мне столько удовольствия, как будто пол был сделан из чистых изумрудов. И если в отведенной мне комнате я была выбита из колеи запахом лилий, в разы повысившим мою тревожность, то теперь я вспоминала

километры, пройденные по бесконечным коридорам аукционного дома, месяцы постоянной беготни по чужим поручениям, хождение взад-вперед по набережным Лондона, коридор с гобеленами в Национальной галерее, приведший меня к первой картине, которую мне удалось увидеть по-настоящему, путь, по которому теперь я пришла сюда, но уже независимым, уважаемым профессионалом. Согласитесь, нечасто случается такое, что на несколько секунд ты вдруг четко ощущаешь, что получила именно то, что хотела. Мне казалось, я парю в воздухе, смотрю сквозь завесы времени, без малейших усилий принимаю собственные достижения. Неплохо, Джудит! Совсем неплохо! Открыв глаза, я увидела, что мадам вопросительно смотрит на меня. Мне совершенно не хотелось доставлять ей удовольствие и показывать свое восхищение, однако, несмотря на то что я видела несколько совершенно выдающихся коллекций, по сравнению с частной галереей Ермолова они и рядом не стояли.

Вытянутый зал с высоким потолком был залит мягким светом, как будто бы исходившим от свечей. Два дивана работы Брейера с обивкой из белоснежной, как зубная паста, замши расположились спинка к спинке в центре зала, а вокруг них стояли кресла с изогнутыми, словно арфы, спинками эпохи Регентства из мерцающего бука, а также группа кресел-бержер в стиле Людовика XIV с обивкой из серого шелка. Казалось, они лишь ждут, чтобы кто-нибудь в них уселся и завязал светскую беседу. Я сразу же узнала Поллока и картину Матисса «Дом на Таити», пять лет назад ставшую настоящей сенсацией в Нью-Йорке, когда анонимный покупатель зашел на аукцион практически с улицы и сделал ставку почти на сорок миллионов, три Пикассо, Рембрандт, два Брейгеля, Сезанн, Тициан – вашу мать, настоящий Тициан, у кого, ну скажите мне, у кого есть свой Тициан?! – а еще «Портрет юноши в красном берете» Понтормо. У меня аж голова закружилась. Пришлось подавить желание бегать от одной картины к другой, прикасаться к сияющим поверхностям и наслаждаться внутренним трепетом. Левую стену занимали русские художники: кружащий в воздухе демон Врубеля, Григорьев, Репин – потом Пуссен и серия пейзажей Климта.

– А вот здесь графика, – произнесла мадам, указывая дистанционным пультом управления на панель под пейзажами Климта.

Панель с тихим шипением отъехала в сторону, и я увидела стальной контейнер, напоминавший гигантскую старомодную стойку для компакт-дисков. Мадам нажимала на кнопки, перелистывая рисунки – настоящее колесо обозрения рисунков углем и аквафортов, каждый из которых сам по себе являлся

шедевром.

Мое приподнятое настроение внезапно улетучилось, и сладость встречи с прекрасным уступила место горечи мартини с икрой. Я была готова взять на себя ответственность и даже испытывала радостное возбуждение перед сложной задачей, но это просто невозможно. Слишком много, слишком хорошо, чтобы быть правдой! Мне нужна команда ассистентов, лестницы, перчатки и еще бог знает какое оборудование. Я бы не осмелилась и пальцем прикоснуться к этим картинам, а уж тем более оценивать их. На что рассчитывал Ермолов? Как владельцу такой коллекции вообще могло прийти в голову воспользоваться услугами частного, никому не известного галерейщика для оценки работ, чья красота внезапно показалась мне насмешкой?

Мадам чинно уселась на диван, скривив покрашенные губы в напряженной, выжидающей усмешке. Будь бесстрашной, Джудит!

– Я так поняла, это работы эпохи Возрождения? – с трудом выдавила я.

– Разумеется. Сюда, пожалуйста!

Я пошла за ней по галерее, повесив голову. Дальняя стена была пустой, что только подчеркивало роскошь прочих сокровищ. Мадам приложила ладонь к скрытой панели, крошечная дверца отъехала в сторону, как будто открывая нам проход в келью средневекового монаха. Зайдя внутрь, я не смогла скрыть удивления: комнатка была точной копией знаменитой studiolo герцога Урбино, полностью обшита панелями с затейливой инкрустацией из разных сортов дерева, где образы трюмплей переплетались с портретами известных классических философов эпохи Возрождения. У меня глаза разбегались от всего этого блеска и великолепия. И тут я заметила совсем близко, всего лишь на расстоянии вытянутой руки, два медальона, два сияющих лица, два изящных подбородка, две пары внимательных серых глаз, две светловолосые головы, покрытые тончайшей вуалью, которая, казалось, вот-вот начнет развеиваться на ветру. «Благовещение» и «Мадонна с Младенцем»! Они и правда здесь! Картины, которые я проходила в университете, но никогда не видела, мало того – их вряд ли вообще видел кто-либо из ныне живущих! Боттичелли Джеймсона! Теперь я начала понимать, к чему клонит Ермолов.

– Это Боттичелли Джеймсона? Подлинники? – с нескрываемым благоговением в голосе прошептала я.

– Именно так, – отозвалась мадам.

Кажется, она начала потихоньку оттаивать, возможно, мне не стоило судить о ней по первому впечатлению. От такого зрелища не потерял бы дар речи только полный дурак. Я с трудом держалась на ногах. Третья картина, висевшая перед нами, была прикрыта тяжелым бархатным занавесом зеленого цвета. С замирающим сердцем я отдернула занавес и ахнула.

Свою галерею я назвала в честь Артемизии Джентилески – художницы, в которую я влюбилась еще в юности. На долю Артемизии выпало многое: борьба с предрассудками и бедность, изнасилование, но она сделала выбор в пользу смелости и отказалась подчиняться миру, который сначала осквернил ее, а потом выбросил, как ненужную вещь. В 1598 году, когда Артемизия Джентилески была еще маленькой, ее отец и учитель Орацио регулярно кутил в компании своего друга, художника с севера Италии Микеланджело Караваджо. Хулиганы прекрасно проводили время в Риме. Караваджо и его друзья расхаживали павлинами, как нынешние рок-звезды, ввязывались в драки, снимали шлюх, ходили по самым злачным тавернам Рима, придя в возбуждение от вина и свинцовых белил. Караваджо, прозванный архангелом с мечом, в тот год создал полотно безжалостной виртуозности и языческой яркости. На картине, которую художнику заказал его патрон кардинал дель Монте для подношения в дар Фердинандо Медичи из Флоренции, изображена горгона Медуза. Портрет написан на выпуклом щите из тополя и является аллюзией на бронзовый щит, с помощью которого Персею удалось убить горгону, отразив ее взгляд. Если бы герой Овидия посмотрел колдунье прямо в глаза, то тут же обратился бы в камень. Караваджо изобразил чудовище со своим лицом – последнее предсмертное пробуждение Медузы перед тем, как меч Персея отрубил ей голову. Однако Караваджо интуитивно уловил, что изгибы пространства напоминают ворсинки норковой кисти и постоянно находятся в движении и что время ускоряется или замедляется в зависимости от силы притяжения. На щите Медузы вогнутые тени ее головы, увенчанной извивающимися змеями, повторяют изгибы поверхности. Здесь и находится точка пересечения двух измерений, когда буквально на секунду время прекращает свой ход. В том моменте, когда наши глаза встречаются со взглядом Медузы, Караваджо сумел остановить движение Вселенной и запечатлеть момент смерти, провозглашая тем самым, что победил законы искусства. Мы в

безопасности, мы можем отвести взгляд, а потом снова посмотреть на это произведение, которое превосходит замысел художника, в избыточно высокомерной форме отражающий браваду автора. Никому не известный ломбардец в потрепанном наряде пытается играть в Бога на куске дерева. Возьми его в руки, говорит художник своему патрону, и сможешь остановить время!

Даже от копии дух захватывало. Если бы я не видела подлинника в галерее Уффици, то решила бы, что передо мной настоящий Караваджо. А вдруг Ермолов?.. Да нет, быть такого не может!

- Это, разумеется, копия, - услужливо подсказала мне мадам, не дав провалиться на самое дно кроличьей норы. - Господину Ермолову хотелось иметь в этом зале третью картину.

- Она все равно великолепна!

- Пока что.

Я прикрыла картину и снова отдернула занавес, лицо Медузы врезалось мне в самое сердце. Медленно повернувшись, я посмотрела на галерею. Эта маленькая комнатка была сердцем всего зала, озаряла его своим огнем, и остальные картины начинали танцевать и переливаться красками.

- Спасибо вам, - искренне произнесла я, - спасибо, что показали мне это!

Оторваться от картин было тяжело, но вместе с тем мне не терпелось встретиться с Ермоловым. Какой же силой намерения надо обладать, чтобы собрать такую коллекцию? Иметь в своем распоряжении Боттичелли Джеймсона и скрывать их от посторонних глаз? Зачем вообще он пригласил меня сюда? Еще на первой встрече с доктором Казбичем я поняла, что дело совсем не в частной экспертизе. В мире искусства такое случается. Даже в таких заведениях, как «Британские картины», проводят двойную экспертизу, часто для оформления страховки или налоговой декларации, но такие вещи, по моим сведениям, Ермолова вряд ли интересует. Сначала я предположила, что Казбич вышел на мою галерею через общих знакомых в Белграде - группу художников «Ксаок коллектив». Потом подумала, что, возможно, Ермолов потребовал найти

подходящего человека срочно и мне просто повезло. Надежда увидеть Боттичелли, ну и конечно, гонорар были достаточно убедительным аргументом, пусть меня и выбрали не по самым достойным уважения причинам. Однако, увидев коллекцию своими глазами и осознав ее уровень, я поняла: все эти версии не выдерживают критики. Мне почему-то казалось, что человек, настолько влюбленный в искусство, обратился бы к самым уважаемым экспертам в этой области, как того и заслуживали его картины.

Дворецкий сообщил мне, что коктейли для нас с господином Ермоловым будут поданы на террасе в восемь часов, но я быстро переоделась и спустилась уже без четверти восемь – наверное, надеялась застать его за продажей атомной подводной лодки. Все оказалось куда более банально. Мой гостеприимный хозяин всего-навсего читал журнал «Экономист». Ермолов оказался высоким мужчиной, не особо широкоплечим, но крепким на вид, светловолосым, с бесцветными северными глазами. Одет он был просто, такое могут себе позволить только очень богатые люди: однотонная рубашка, темно-синие чиносы, дешевые электронные часы. Увидев меня, Ермолов встал и странно посмотрел на меня – как будто бы вопросительно, с улыбкой, как на старую знакомую. Он подвинул мне стул, предложил бокал шампанского, и я заметила, что он двигается немного скованно и сдержанно, с изящным спокойствием, которое могло бы показаться очаровательным, если бы не его руки. Длинные, тонкие пальцы все время елозили по ножке бокала, теребили швы на льняной салфетке, передвигали крошечные розетки с оливками и корнишонами. Его руки и полувойенная стрижка под машинку нервировали меня, вызывая ассоциации с душными комнатами для допросов, пожелтевшими папками из видавших виды шкафов, росчерками карандаша, которые могли между делом и двумя глотками холодного горького кофе обречь человека на жизнь в Сибири. Неутомимая энергия рук шла вразрез с его имиджем, в них было что-то алчное, цепляющееся.

– Добро пожаловать, мисс Тирлинк! Я так рад, что вы смогли вырваться из водоворота вашей напряженной жизни в мире искусства и найти время для визита, – неуклюже пошутил он и смущенно улыбнулся.

– Я счастлива, что мне представилась такая возможность! – отозвалась я, рассмеявшись своим самым заливистым смехом.

За аперитивом Ермолов тихо оценивал меня, ведя ни к чему не обязывающую беседу о том, как я добралась, и о чудесном виде с террасы. Затем мы переместились в беседку с видом на море, где нам подали ужин. Официанты сновали туда-сюда, подавая нам паштет из сибаса, запеченные пирожки с лангустом, а в трех сотнях футов под нами ласково шумело море. На дорожке, ведущей к террасе, зажгли свечи, и, заглянув Ермолову через правое плечо, я увидела, что они сияют до самой воды, освещая вырубленную прямо в скале лестницу. К моему удовольствию, оказалось, что Ермолов тоже курит, мы вели крайне светскую беседу, «Шассань-Монраше» было просто превосходным, но мне было как-то не по себе. Я никак не могла перестать думать о том, что этот человек каким-то образом сумел собрать настоящую сокровищницу, wunderkammer прекрасного, которая была скрыта от мира в невыразительной бетонной коробке у подножия холма.

В течение первой перемены блюд я держала себя в руках – раньше о делах говорить не положено, поэтому мы обсуждали, в какое время года лучше всего ездить в Венецию и на Карибы, ремонт, который он делал в своем приобретенном пять лет назад доме во Франции, новую архитектуру Москвы, статью о которой я на всякий случай прочитала по пути сюда. Теперь по ночам центр столицы патрулировали дружины добровольцев, пытались поймать поджигателей, которые уничтожали старые здания, чтобы освободить место для новой застройки. Поговорили о Лермонтове, которого Ермолов обожал, будучи выходцем с Кавказа, он процитировал наизусть длинный отрывок из «Демона», чем совершенно обезоружил меня, как это умеют делать только русские, и даже начал мне нравиться. Руки продолжали все время беспокойно шевелиться, потом нам принесли крошечный пудинг из фиолетового крем-брюле, но мы к нему даже не прикоснулись. Я замолчала в ожидании его вопросов.

– Значит, какое-то время до переезда в Венецию вы жили в Нью-Йорке. Или в Париже?

Я остолбенела. Элизабет Тирлинк никогда не бывала в Париже!

– Вообще-то, я из Швейцарии.

– Прошу прощения, должно быть, что-то перепутал.

Внезапно я осознала, насколько мы далеко от людей, от дома, от цивилизации. Я никому не говорила об этой поездке, да мне и некому было говорить. Тревожиться не о чем, он занятый человек, а ты всего лишь обслуживающий персонал. Ну ошибся, с кем не бывает? Я взяла в руки свой бокал.

– Вам хватило времени для того, чтобы составить первое впечатление о моей коллекции?

– Для меня было большой честью увидеть ее, да.

– Думаете, вы сможете провести экспертизу?

– Господин Ермолов, – начала я, ставя бокал на стол и собираясь с духом, – буду с вами откровенна. Мне крайне лестно, что вы пригласили меня сюда, я очень благодарна вам за гостеприимство, но я бы не взялась за оценку такой коллекции. Думаю, вам лучше нанять для этого один из крупных аукционных домов Лондона или Нью-Йорка.

Если ему и не понравился мой ответ, то виду он не подал, разве что сцепил свои беспокойные пальцы, но тут же замер.

– Вы считаете, что у вас не хватит для этого квалификации? Но почему же? Ваша галерея имеет большой успех.

Я уже открыла рот, чтобы ответить ему, но он вдруг отвернулся, заметив какое-то движение на тропинке у скалы прямо под нами. В мерцании свеч я успела заметить только светлые волосы и голое женское плечо. Ермолов даже не повернул головы, но резко сказал что-то сквозь зубы по-русски, и я чуть не подпрыгнула от неожиданности, когда из-за одной из колонн беседки вышел телохранитель и стал спускаться по лестнице к морю. Я и понятия не имела, что он все это время был там, и даже не поняла, то ли начинать бояться, то ли, наоборот, вздохнуть с облегчением.

– Прошу прощения. Иногда нас тут беспокоят непрошенные гости.

– Перед таким видом сложно устоять, – кивнула я, но на самом деле не поверила ни единому слову.

Это место охранялось посерьезнее, чем дом десять по Даунинг-стрит. Кто же смог подобраться так близко?

– Так о чем мы с вами говорили?

– Ах да! Вы очень добры ко мне, но пока я бы не сказала, что галерея имеет огромный успех... – Я замолчала, крутя в руках крошечную десертную ложечку. – Проще говоря, я ведь... начала работать в «Джентилески» всего год назад и занимаюсь в основном современным искусством.

– А я так понял, что вы неплохо разбираетесь и в старых мастерах, – внимательно посмотрел мне в глаза Ермолов.

Что он имеет в виду? Ничего! Прекрати паранойю, Джудит!

– У меня, разумеется, есть соответствующее образование и подготовка, но авторитетом в этой области я себя никоим образом не считаю. Спектр и ценность вашей коллекции невероятны, о чем вам прекрасно известно. Я не смогу с уверенностью назвать точную рыночную стоимость таких шедевров.

– И тем не менее вы могли бы взяться за это дело?

Могла бы, конечно. Теперь я знаю, из чего конкретно состоит его коллекция, можно поднять отчеты о продажах, проверить все по «Артпрайс», сравнить с известными работами того же уровня и так далее, как мне не раз приходилось делать, пока я работала в «Британских картинах». Страшно, однако возможно.

– Если вас беспокоит вопрос подлинности работ, то, смею вас заверить, провенанс просто безупречен. Мне нужна только экспертная оценка стоимости.

– Я могла бы...

Рядом раздались голоса. Охранник о чем-то разговаривал с женщиной по-русски. Я услышала, как женщина прошипела: «Мне нужно поговорить с ним!» – а потом низкий мужской голос успокаивающим тоном ответил что-то неразборчивое, а затем добавил: «Невозможно».

– Прошу прощения, мисс Тирлинк, – произнес Ермолов, неторопливо встал и растворился в фиолетовых сумерках. Говорил он негромко, но я все расслышала:

– Убери ее отсюда! Утром с ней разберусь!

Он не знал, что я немного говорю по-русски, но, с другой стороны, он же не задавал мне таких вопросов. Интересно, эта любительница ночных прогулок понимает, как рискованно себя ведет? И дело вовсе не в отвесных скалах: конечно, «калашниковых» я пока не заметила, но это вовсе не значит, что их тут нет. Теперь я увидела его коллекцию своими глазами и вполне понимала, зачем здесь нужна такая охрана. Ермолов говорил настолько ледяным, невозмутимым тоном, что мне подумалось: в случае чего он мог бы разобраться с нарушителем и лично.

– Еще раз прошу прощения, – сказал он, покрутил в руках салфетку и положил обратно на стол.

Наконец до меня дошло, почему я так боюсь Ермолова. Дело в том, что он выглядел совершенно безобидно. Ему не было надобности вести себя вызывающе. Спокойствие не прикрывало безжалостность, а лишь подтверждало сам факт ее наличия. С внезапным раздражением я осознала, что считаю его сексуальным.

– Так на чем мы остановились? – спросил он.

Я была уверена, что Ермолов выбрал меня не совсем из честных побуждений. Почему он не обратился к лучшим экспертам в этой области, ведь картины, несомненно, того стоили? Я не сомневалась: будь у меня достаточно времени, я могла бы справиться с этой работой. Однако уровень полотен Ермолова заставлял меня сомневаться в себе. Эти картины заслуживают самого лучшего, и, как бы мне ни неприятно было об этом думать, я пока еще не могла сказать, что я лучшая.

– Господин Ермолов, могу ли я задать один вопрос? Почему вы выбрали меня для этой работы?

– Доктор Казбич предложил вашу кандидатуру. Он мой закупщик, – нетерпеливо ответил Ермолов, начиная раздражаться, что я впустую трачу его ценное время.

– Господин Ермолов, спешу вас заверить, что буду вести себя крайне дискретно, и хочу поблагодарить вас за оказанную мне честь. Но я просто не считаю себя идеальным кандидатом для этой работы. Вам нужна команда экспертов, ассистентов... – начала я, но тут же осеклась.

Ему стало откровенно скучно. Как я и ожидала, мы перебросились парой дежурных фраз, потом он извинился и сказал, что ему надо сделать еще несколько важных звонков. Я не могла быть ему полезна, а следовательно, не представляла интереса.

На следующее утро Ермолов даже не потрудился попрощаться со мной. Я решила, что больше никогда не увижу его, но даже не подозревала, как буду мечтать именно о таком окончании этой истории.

4

Как и все самые глупые поступки в моей жизни, поездка на Ибицу была исключительно моим решением. На показе в августе я не обратила особого внимания на Таге Шталя, но он продолжал названивать мне и писать сообщения. Оказалось, что он датчанин, занимается кораблями, а сейчас решил устроить частную вечеринку на своем острове к северу от Ибицы. Вконец обнаглев, я спросила, прилетит ли он за мной частный самолет, а он вдруг взял и согласился, после чего отказываться было уже как-то неудобно.

После поездки к Ермолову Венеция перестала казаться мне такой уж тихой гаванью. Я не жалела о своем решении. Отказ от экспертной оценки этой коллекции в каком-то смысле был выражением верности себе, своему истинному «я», кем бы Джудит Рэшли ни была. Отказавшись участвовать в планах Ермолова, я как будто бы сохранила верность полотнам. А вот воспоминания о том, как я это сделала, меня мучили. Я не чувствовала себя так неловко и неудобно со времен моей работы в аукционном доме. Отличная вечеринка – вот что нужно Элизабет Тирлинк, чтобы снова расправить крылья! К тому же меня раздражала моя квартира. Обычно пребывание среди красивых вещей действовало на меня успокаивающе, а сейчас я вдруг перестала класть вещи на места, и моя безупречная кухня вдруг оказалась заставлена стаканами и чашками, непонятно откуда взялась шоколадка. Я нашла ее в буфете рядом со специями. Девяносто восемь процентов какао, с миндальными хлопьями.

Странно, я ненавижу миндаль и, мало того, терпеть не могу темный шоколад!

На Ибицу я прилетела в середине дня. Черный микроавтобус быстро доставил меня с самолета в аэропорт, где было на удивление немного народу. Кучки спящих где попало кутил рядом с обернутыми в пленку чемоданами на колесиках, стайка девочек, на лицах которых когда-то красовались цветы из аквагрима, но теперь все размазалось, спорили с менеджером у стойки компании «Изиджет», два суровых на вид уборщика в сеточке на голове и бирюзовых комбинезонах отмывали огромными швабрами с пола лужу рвоты абрикосового цвета. Вездесущий Дэвид Гетта злобно смотрел на меня отовсюду через «Рэй-Бану». Я быстро нашла водителя Шталя, он погрузил меня в открытый черный джип, который с жужжанием и рокотом пробирался через выхлопные газы и стрекочущих цикад, миновал поворот на белую крепость над портом, пронесся мимо пиццерий, студий йоги и бесконечных рекламных афиш, обещающих диджеем настоящую нирвану, а потом шоссе сузилось, и мы начали подниматься на пологие зеленые холмы, внизу обрамленные тропическими садами. Раньше мне не приходилось бывать на этом знаменитом острове, и я отметила про себя, что когда-то здесь наверняка было просто чудесно.

Я сразу все поняла про Ибицу, когда мы наконец притормозили у знака с надписью «Пляж Ауа-Бланка» и припарковались на пыльной парковке, заполненной джипами и мопедами. Водитель понес мою сумку по крутой дорожке, ведущей к молочному заливу, где голые дети играли на мелководье между высокими столбами рыжеватых скал. Я сняла балетки и тут же ощутила привкус той самой приятной свободы, которую всегда чувствуешь, идя босиком по песку. Чуть дальше, у самой воды, жонглировали кеглями голые парни с дредами, белокожие загорающие жарились на сухой белой глине чуть выше линии прибоя. Я протиснулась между ними, наконец добралась до небольшого пирса, где водитель уже отвязывал серую моторку, и вскоре мы понеслись, слегка подпрыгивая на волнах, к небольшому острову, на горизонте нам навстречу распахнулись зелено-белые скалы, похожие на крылья бабочки.

Роскошная новая вилла Шталя могла быть оформлена хоть в виде гавайского бара, какая разница, если у тебя такой вид прямо на пляж Ауа-Бланка – лучше вида не найдешь ни за какие деньги, предположительно поэтому Шталь ее и купил. Кубы из стали и известняка облепили склон холма таким образом, что каждая комната виллы казалась открытой в сторону моря. Других гостей в зоне видимости не было. Сойдя с моторки, я заметила лишь какую-то изможденную

женщину в кафтане от Нормы Камали, совершенно с безрадостным видом ковырявшую омлет из белка в дальнем конце огромной изогнутой трассы. Горничная показала мне мою комнату и начала распаковывать вещи, а я с некоторым смущением вытащила из ее деловитых рук бикини и джинсовые шорты с бахромой. От дамы в кафтане на террасе остался один омлет, и я без зазрения совести взяла с ее подноса абрикос и с наслаждением впиалась зубами в сочную мякоть, глядя на бледную полосу берега где-то в километре от нас. Деревянная лестница с резными полинезийскими головами спускалась к пустому бассейну – огромной овальной чаше из бледно-серого мрамора. Вода выглядела соблазнительно гладкой, но искупаться я не успела, потому что ко мне подошел только что вернувшийся с теннисного корта Шталь. Высокий, загорелый, с крепким торсом и лазурными глазами, он напомнил мне об одном чудесном скандинаве, с которым пару лет назад я провела замечательный вечер. В последнее время я вела в Венеции крайне тихую жизнь, поэтому отметила нашу встречу в его огромной балийской кровати с большим энтузиазмом, как раз к тому времени, как остальные гости доели свой поздний завтрак. После мне показалось, что мир наполнен умиротворением. В общем, я была настроена весело провести выходные.

Когда мы с хозяином дома закончили наши дела и спустились вниз, гости уже собрались у бассейна и понемногу разогревались розовым шампанским и косяками. Шталь познакомил меня с довольно стандартной компанией, состоящей из седеющих мужчин и алчных женщин – сочетание, к которому я успела привыкнуть во время своего первого круиза по Средиземному морю. Я отказалась и от вина, и от травки, но с готовностью поддерживала беседу о том, кто где побывал и куда собирается отправиться дальше. Я как раз обсуждала относительные преимущества Пантеллерии перед Патмосом, и тут кто-то положил мне руку на плечо:

– Привет, дорогая! Меня зовут Элвин.

Меня смутило совсем не избитое обращение, а скорее тот факт, что, в отличие от остальных мужчин, Элвин казался моим ровесником, а может быть, и младше, а еще за его дружелюбием и американским акцентом сквозило что-то коварное и вкрадчивое, отчего у меня по коже тут же пробежал холодок.

– Элизабет Тирлинк. Привет... Мы, кажется, незнакомы?

– Лично – нет.

– Звучит интригующе!

– Ты у меня в друзьях на «Фейсбуке».

– Ах, ну да, точно!

Джудит Рэшли не присутствовала в онлайн-мире, а вот успешная галерейщица Элизабет Тирлинк, как и положено, имела профили во всех необходимых соцсетях. Отказ от соцсетей выглядел бы слишком подозрительно, поэтому раз в несколько дней я неохотно тратила полчаса на принятие заявок в друзья и написание постов – что-нибудь нейтральное, никаких личных фотографий, всегда имеющее какое-то отношение к «Джентилески». Я не очень серьезно отсеивала заявки в друзья – отказы обычно вызывают больше подозрений, чем когда ты просто кликаешь «принять». Элвин оказался нескладным рыжеволосым парнем с неприятно слюнявым ртом. Теперь понятно, почему я его не узнала, – вряд ли у него на аватаре стояла настоящая фотография, и ясно почему. Вид у него был слегка потрепанный, как у любого состоятельного любителя дунуть.

– У тебя ведь своя галерея в Венеции?

– Точно, – осторожно улыбнулась я.

– А я только что закончил первый курс в Курто[1 - Курто – сокращенное название Института искусств Курто в составе Лондонского университета.]. Мой отец работает с Таге.

– Везунчик! В смысле, что учишься в Курто. Хотя тебе наверняка и с папой повезло.

В ответ он улыбнулся, и я заметила, что для американца у него совершенно непатриотичные зубы, кривые и покрытые густым налетом около десен.

– Ну да, круто, конечно, но меня вся эта музейная тема не особо интересует, понимаешь?

У меня появилось нехорошее предчувствие, что сейчас он начнет мне рассказывать про какое-нибудь приложение, над которым он работает, поэтому

я извинилась и отошла под предлогом налить себе еще айс-ти, но призрак его волчьего оскала преследовал меня на протяжении всего жаркого дня.

Вечером мы погрузились на «яхту для вечеринок» Таге – «Разан 47», с бронзовым корпусом – и отправились на материк, где присоединились к другой домашней вечеринке, чтобы вместе поужинать на их вилле. После давящего, густого зноя Венеции воздух Ибицы казался прозрачным, и, несмотря на то что стрекот цикад заглушался шумом от шин «Гаррикс», поскольку по холмам все время ездили джипы, музыка не могла испортить тягучий запах маки[2 - Маки – заросли густого кустарника, характерные для побережья Средиземного моря.] или медовый бриз, проникавший через низкие белые стены дома. Женщины в босоножках на платформе изящно прижимались к своим спутникам, пересекая гравийный дворик, в котором стояло несколько джипов, огромный «бентли» с открытым верхом и красный «феррари».

Я с раздражением отметила, что какая-то часть меня до сих пор приходит в удивление и восторг оттого, что я являюсь частью такой компании, да еще и не с подносом в руках. От старых привычек сложно избавиться: если не чувствуешь себя в своем праве, надо хорошенько подновиться. Вспомнив годы обучения в колледже, я подготовилась и почитала про Ибицу, поэтому, поняв, что фермерский домик наверняка перестраивал Блэкстэд, архитектор, работы которого копировались в самых дорогих виллах на острове, я успела вовремя сделать комплимент хозяину и похвалить его за безупречный вкус, когда Таге представил меня ему.

– Это Элизабет. Она продала мне работы «Ксаок», которые ты видел у меня в Копенгагене.

– Вы арт-дилер?

– Немного, – улыбнулась я. – Пока только начинаю.

– У нее потрясающий вкус! – вмешался Таге, сжимая мою руку.

Хозяин виллы тоже оказался датчанином, лысеющим толстяком с кольцом-печаткой и американской женой, как минимум лет на двадцать моложе его.

– Ребята, вы просто потрясающая пара! – зашебетала она, но Таге не спешил поправлять ее. – И как же вы познакомились?

– О, не так давно, в Венеции, – уклончиво ответила я.

– Обожаю Венецию! Боже, как романтично! Мы всегда останавливаемся в «Даньели». Знаете «Даньели»? Я без ума от Италии! В прошлом году мы ездили на Сардинию. А где мы там жили, Свейн?

– На яхте Таге.

– Ах, ну да, конечно! Нет, я перепутала, это я про Тоскану. А где мы жили в Тоскане?

Этот бессмысленный треп мог бы продолжаться до самой границы с Австрией, поэтому я ненавязчиво взяла ее под локоток, отвела в сторону и принялась восхищаться цветами: стол украшала вытянутая композиция из цветов апельсина, заплетенных вокруг черных фигов.

– Какая великолепная идея! – благоговейно выдохнула я. – Вы, наверное, безумно устали!

Как правило, оказывалось, что чем богаче муж, тем сильнее устает жена – беспроигрышная комбинация.

– Боже, знаете, я целую неделю занималась подготовкой этого ужина! Я сразу сказала Свейну, что после этого не собираюсь вообще ничем заниматься! Ничем! Я тут чуть с ума не сошла!

Стол был поставлен перпендикулярно бассейну, вода в который стекала со скалы между двумя огромными скульптурами из выкрашенных белой краской коряг. Четыре официанта в темных пиджаках ставили на стол салатники с суши на льду, еще один зажигал свечи в бронзовых подсвечниках по краю бассейна. Двое разливали шампанское и розовое вино, а третий разносил крошечные рулеты из иберийской ветчины и маринованного имбиря. Американка, судя по всему, и правда выложилась по полной.

– Ну, в смысле, понимаешь, я люблю, когда все попроще! – захихикала она. – Это Ибица, тут никто особо не заморачивается, но все равно...

– Все равно создавать красоту для других людей – нелегкая работа, – искренне закончила я.

– Боже, Элси, ты же меня просто с полуслова понимаешь! Девочки нашли друг друга! – заверещала она, когда Таге любезно подошел к нам, поняв, что меня пора спасать.

Поскольку никто особо не заморачивался, места за столом не были обозначены заранее. По одну руку от меня сидел Таге, а по другую – женщина в этническом сарафане от Виты Кин. Некоторое время она говорила с Таге через меня, даже не представившись, задавая кучу вопросов про «Ибица поло клуб», все время упоминая каких-то patrons и тех, кого она встретила на стадионе «Каудрей-Парк». Мы с ней были одной породы – правда, скорее по духу, чем по исполнению. Только когда Таге стал кормить меня тунцом с белыми трюфелями и ласково целовать в шею, она наконец уяснила, что мы вместе, и бровью не поведя протянула мне руку с нарисованной хной татуировкой, сделала глоток розового вина и сообщила, что как раз установила в доме водоснабжение золотой водой.

– Прошу прощения, какой водой?

– Ну знаешь, как выглядят завитушки на раковинах? Это же золотое сечение – в природе встречается абсолютно повсюду! Вот и вода должна быть такой, а не застывшей и статичной, как из крана. У меня теперь такой аппарат, который по науке проводит реструктуризацию воды на молекулярном уровне согласно принципу золотого сечения...

– Типа как адронный коллайдер?

– Точно! И тогда вода гораздо лучше увлажняет. Когда ешь овощи и фрукты, выращенные на такой воде, то прямо ощущаешь их счастье! Такая математика в сочетании с духовностью.

– Холистический подход, – кивнула я, изо всех сил стараясь не рассмеяться.

– Ага. Такие штуки для ванной везде продаются. Они еще не получили сертификат качества, ну ты понимаешь, со всей этой бюрократией и стандартами. Погоди-ка, у меня кажется есть их визитка... – вспомнила она и начала рыться в сумочке из змеиной кожи от «Гуччи». – Знаешь, они просто изменили мою жизнь!

– Большое спасибо! Я обязательно... займусь этим вопросом.

– Не за что, дорогая.

Гости встали из-за стола, и официанты принялись зажигать висевшие на деревьях крошечные марокканские фонарики всех цветов радуги. В курильницы засыпали сухой лаванды, и мягкий солоноватый воздух наполнился нежным ароматом.

– Собираешься рискнуть этим старым vigile, Свейн? – спросил у хозяина англичанин в голубой льняной рубашке от «Вилебрекен», застегнутой только на одну пуговицу, но Свейн лишь сдержанно рассмеялся:

– Да, говорят, если кто-нибудь стукнет, что у тебя тут открытый огонь, штраф выпишут на десять тысяч евро. В прошлом году сгорела половина склона в Сан-Хуане. Как по мне, – доверительным тоном продолжил Свейн, – так уж лучше сразу им десять штук отдать, заранее! – Он подмигнул англичанину, и мужчины заговорщически рассмеялись.

Таге усадил меня на тиковый диван, задрапированный тонкими шальями икат, собственнически обнял за плечи и представил шведскому архитектору, которому предстояло оформлять павильон галереи «Серпентайн» в следующем году, и его жене, занимавшейся какими-то очень серьезными медицинскими исследованиями в Стокгольме. Думаю, ее вряд ли впечатлила бы история с золотой водой. Шведы оказались умными и приятными и проявили искреннее любопытство к моим планам на «Джентилески». Мы с Таге сидели на диване, кубики льда медленно таяли в моем бокале розового шампанского, превращаясь в экзотические цветы. Я смотрела на сияющие стены дома, темный зовущий сад и вдруг снова вспомнила об изгнанной из моей жизни Джудит Рэшли. Если не считать разговоров о духовности, именно такой жизни я и хотела, правда ведь?

А самое лучшее, что я никому ничем не была обязана. В какой-то момент я заметила Элвина, обнимавшегося в гамаке с двумя девушками, и подняла бокал в знак одобрения. Несмотря на разочарование от того, как прошла оценка коллекции Ермолова, я была оптимистично настроена и, возможно, даже счастлива.

Впоследствии я вспоминала об этом вечере как о последнем дне своей жизни, когда мне удавалось убедить себя, что у моей истории будет хороший конец.

5

Все пошло не так уже на следующий день, за ужином. Проснулась я в одиночестве у себя в комнате – переносить вещи в балийский будуар Таге я не стала, потому что куда больше люблю спать одна, если, конечно, нет острой необходимости. С утра я совершила пробежку по острову, а потом искупалась в кобальтовых волнах, толстые серые рыбы плавали совсем рядом, задевая мои ноги, а остаток дня провела с другими гостями, отдыхая у бассейна. Таге запланировал прогулку на яхте на соседний остров Форментера, но сентябрьская жара висела над землей удушающей пеленой, поэтому я предпочла удалиться в свою прохладную постель, где читала и дремала, пока не пришло время спускаться к ужину.

Девушки пошли переодеваться около девяти, и по хихиканью и шлепанью босых ног между ванными комнатами я поняла, что они с удовольствием готовятся к ни к чему не обязывающей игре в пикап. Я долго простояла под душем, надела простое черное платье в пол из креп-жоржета от Изабель Маран, простые кожаные сандалии и пару старинных серег, которые отыскала на Мурано: сияющие ромбы из марблита в филигранной золотой оправе. Наряд получился в нужной степени непринужденным и богемным. Когда мы собрались у бассейна на аперитив, я с удивлением увидела, что Таге появился в наряде, который можно описать разве что как восточный кафтан, но в принципе меня это совершенно не касалось, и я не была обязана соответствовать ему. Официантки начали расставлять повсюду блюда с лепешками и вкусно пахнущими альбондигас. Я протянула блюдо стоявшей рядом со мной женщине – той самой омлетной страдальце, – но она игриво ущипнула меня за бедро с фамильярностью, за которую можно было бы и сразу убить.

– Кто ест, тот не веселится, Элизабет! Съешь-ка конфетку!

Она протянула мне крошечную мисочку клуазоне с МДМА и быстро поднесла марку на кончике пальца прямо к губам. Подавив раздражение, я отвернулась от таблетки и пробормотала что-то насчет того, что мне для начала нужны углеводы, а потом посмотрела на тиковый стол, накрытый узкой турецкой скатертью с серебряными монетками на бахроме, и мне захотелось плакать от того бардака, который вот-вот тут настанет. Ну почему люди, которые могут позволить себе любые развлечения мира, пользуются лишь такими ограниченными способами получения удовольствия? Я не то чтобы против наркотиков, просто предпочитаю держать двери моего восприятия под контролем. Официантки невозмутимо раскладывали на столе угощения, напоминающие барочный натюрморт, но гости взирали на эту роскошь с полным равнодушием, полностью сосредоточившись на крошечных белых таблетках. Совсем скоро здесь начнется настоящий вертеп, и я уже стала задумываться над тем, когда их вынесет настолько, что я смогу спокойно удалиться к себе. Взяв бокал и сигарету, я отошла к краю террасы, где один из друзей Шталя смотрел на море с тоской, достойной Сильвии Плат, сочиняющей «Лайонесс».

– Скоро придет конец всем нашим вечеринкам, – скорбно прошептал он.

Я поспешила покинуть его и вернулась к столу, надеясь, что там еще остались фрикадельки, но путь мне снова преградила мисс Омлет и схватила меня за плечо своей худющей, докрасна загорелой рукой. Потом Таге включил аудиосистему клубного уровня, и из динамиков загрохотала музыка. Мисс Омлет практически облизывала мое ухо и с придыханиями объясняла, почему мне нужно по-настоящему понять Ибицу, ведь это такое креативное место, потому что здесь все люди такие свободные и креативные, совсем как мы, и другого такого места на целом свете не сыщешь. Она так преданно заглядывала мне в глаза, что я уже стала думать, не насыпать ли ей ее чудесного порошка прямо на зрачки, но наш роман закончился, не успев начаться. Шталь, сумевший разогнаться в рекордно короткие сроки, вдруг запрыгнул на балюстраду, а оттуда на перевернутое белесое каноэ, искусно украшенное пурпурными бугенвиллеями. Покачиваясь, он перевел дыхание, схватил бамбуковый факел, осветив террасу, и в свете пламени я разглядела красное лицо и оскаленные зубы. Внимательный, довольно привлекательный мужчина, с которым я проводила время накануне, исчез без следа, превратившись в настоящего минотавра. Стараясь не задеть расшитые блестками полы кафтана, он взмахнул факелом в сторону побережья, где из дока с рычанием вырвались два белых джипа, за рулем которых сидели мужчины в белых рубашках и очках «Рэй-Бан».

– Дамы и господа! – заплетающимся языком прокричал он. – Встречайте! Траховики!

Толпа честно попыталась изобразить восторг, приветствуя подъезжающие джипы поднятыми вверх кулаками, машины сигналили. В каждой машине на сиденьях стояло по шесть или семь девушек в бикини, они изо всех сил крутили бедрами, стараясь не вывалиться на дорогу. Шталь обернулся к гостям, музыка тут же затихла, и он стал медленно изображать, что расстегивает ширинку и готовится к введению члена в воображаемый рот.

– Мальчики и девочки, веселье начинается! Все за мноооооой!

Он спрыгнул с балюстрады и пошел в сторону бассейна, откуда уже доносился стук шпилек по ступенькам. Вообще, мне несвойственно жалеть о содеянном, но, уныло идя вслед за ним, я испытывала отвращение оттого, что вписалась в такую безвкусицу. О чем я вообще думала? Слава богу, что мы с ним хотя бы предохранялись!

– Ну что, повеселимся? – схватил меня за платье неизвестно откуда появившийся Элвин.

Я резко дернула ткань на себя, но он держал крепко, и я побоялась тянуть сильнее, чтобы не порвать.

– Не уверена, что настолько готова к Ибице.

Он выпустил мое платье:

– А я слышал про тебя другое, Элизабет!

– Наверное, ослышался!

Повернувшись к нему спиной, я прошла мимо всеми покинутого стола и проскользнула в свою комнату на первом этаже, прихватив с собой блюдо с салатом из киноа и граната и лепешку. Окна спальни выходили на холмы за домом, поэтому здесь, слава богу, не было слышно музыки. Закурив, я достала телефон и залезла в «Фейсбук». Как я и подозревала, на аватаре у Элвина

стояло стильно оформленное фото «Давида» Микеланджело. Мы были «друзьями» уже около месяца. На его страницу я раньше не заходила, а теперь решила просмотреть последние посты и фотографии: Элвин в галерее «Белый куб» в Лондоне, Элвин уплетает кебаб в Далстоне, Элвин с трехдневной щетиной в пляжных шортах стоит рядом с куда более ухоженной женской версией себя на пляже в Хэмптонсе. Рядом с фотографией подпись заглавными буквами: «Поздравляю, старшая сестренка ?!!!!» Сестренка показывает палец с помолвочным кольцом, а рядом с ней, видимо, жених, судя по цвету кожи и мятой розовой рубашке, не заправленной в шорты, – англичанин. Рядом с женихом, искусно выставив напоказ красивые бедра в бикини, стояла Анджелика Бельвуар. Я сразу же почувствовала, что появление Элвина – плохой знак, так почему же я проигнорировала интуицию, которая еще вчера пыталась подсказать мне, что вся эта поездка – плохая, жуткая, ужасная идея?! Когда я уже наконец смирюсь с тем, что тусовки не моя история? Выбросив из окна окурок, я прикурила следующую сигарету.

Анджелика Бельвуар, вот дрянь! Та самая «золотая девочка», которая заняла мое место, когда меня уволили из лондонского аукционного дома. Как раз в тот момент, когда я узнала, что мой бывший босс замешан в подделке картин, и имела глупость сунуть нос не в свое дело. Еще до того, как все началось.

До того, как я поняла, что все, чему меня учили насчет упорной работы, таланта и заслуг, – бесполезная куча дерьма. До того, как я стала невольной сообщницей системы, которую презирала. До того, как я уехала из Лондона на Ривьеру, до крови и мертвых тел, до того, как я стала твердой и непреклонной, питаюсь лишь злостью и гневом. До Джеймса и Кэмерона, до Лианны и Жюльена, до Рено. Я зашла очень далеко. Мне казалось, что Элизабет Тирлинк не имеет к этому никакого отношения, но прошлое продолжало преследовать меня, как запах лилий в тихой комнате, их руки продолжали цепляться за меня и утаскивать под воды прошлого, неумолимо смыкающиеся над моей головой.

Я встряхнулась. Сейчас не время ностальгировать! Неужели Элвин зафрендил меня из-за Анджелики? Она меня узнала? Просмотрев список друзей Элвина, ничего интересного я не нашла: у нас было пять общих друзей, все из мира искусства, никого из них, кроме Таге Шталя, я не знала лично. Надо срочно валить с этого чертова острова и убраться подальше от Элвина – желательно на расстояние одной-двух стран. Мне совершенно не хотелось видеть свое лицо на знаменитых фото папарацци с Ибицы, если есть шанс, что они могут попасться

на глаза Анджелике. Я слишком расслабилась, и вот результат! Стоило на мгновение почувствовать себя счастливой, и вот пожалуйста!

Я принялась бесцельно расхаживать по комнате, стены дрожали от звуков вечеринки, и вдруг я ощутила себя как зверь, задыхающийся в тесной клетке. Успокойся, Джудит! Все в порядке! Может ли Элвин быть опасен? Он, конечно, мерзкий тип, похотливый, но не особо умный. Парень наверняка безвреден, однако вызывал у меня ощущение, которого уже давно не бывало, и я надеялась, что и не будет: клаустрофобический выброс адреналина от настоящего страха. Нечто иррациональное. Никто не должен этого заметить. Элизабет Тирлинк, в отличие от Джудит Рэшли, нечего скрывать. Надо вести себя на вечеринке как ни в чем не бывало, держаться от него подальше, а с утра быстро валить отсюда. Не такая уж и сложная задача.

Когда я вернулась на террасу, вечеринка Шталя успела превратиться из обычной пошлости в настоящий гротеск. Круглые белые кровати вокруг бассейна заполнили дергающиеся в синкопированном ритме тела, рядом с каждым мужчиной извивалось по два-три женских тела. Шлюхи выполняли свою работу с воодушевлением и энтузиазмом, достойным танцоров на полотнах Иеронима Босха: резко поднимались вверх и размахивали руками в такт музыке, а потом так же резко бросались вниз, чтобы вставить язык или палец в сгорающее от желания тело. Гости женского пола исполняли более сложные с психологической точки зрения маневры, их застывшие под действием кислоты лица пытались изобразить одновременно «дикое возбуждение» и «о нет, я выше этого!». Из самой гущи событий появился Шталь, подошел ко мне и обнял за талию:

- Веселишься, дорогая?

- Не совсем.

- Погоди, сейчас начнется самое интересное!

Официантки все еще ходили по террасе, меняя пепельницы и наполняя бокалы шампанским. Как же им, наверное, нас жалко, подумала я. Шталь хлопнул в ладоши, и музыка затихла.

– Мальчики и девочки! Возьмите себя в руки и перестаньте на пару минут трахать друг другу мозг и не только его!

Женщины с подозрительной готовностью оторвались от своего занятия и заворочались в кроватях, словно косяк загорелых сардин. Шталь порылся в кармане кафтана, а затем продолжил:

– Во-первых, аплодисменты нашим милым дамам, которые приехали развлечь нас сегодня вечером! А теперь конкурс, которого все вы так ждали... – Господи Иисусе, да что с ним такое? Шталь вытащил из кармана туго скрученную пачку знакомых розовых банкнот. – Десять тысяч евро! Десять штук наличкой девушке за лучшую пародию! На кого?

Раздались голоса, гости предлагали разных знаменитостей, исторических личностей и так далее. Что это будет? Порношарада?! Один из мужчин крикнул что-то то ли на норвежском, то ли на шведском, и Шталь поднес руку уху:

– Что-что? Домашние животные? Отличный выбор! Идите-ка сюда, девочки!

Шлюхи собрались вокруг него, поправляя прически и то, что осталось от бикини. Приглядевшись к ним повнимательнее, я была вынуждена признать, что Шталь не знал полумер: все девушки обладали идеальными модельными телами, а лица под слоем макияжа были поразительно красивы. Интересно, где он снял таких красавиц? Шталь тем временем объяснял гостям и девушкам, что следует делать:

– Так, отлично! Устраивайтесь поудобнее, берите бокалы, а ты, Йенс, лучше нюхни! Эй, а ты рот закрой и член в штаны спрячь! Наша первая участница – как тебя зовут, дорогая? Наша первая участница – Стефания, она покажет нам... свинью!

Десять штук, размер штрафа за лесной пожар! До последнего момента я не верила, что это произойдет, но зрители умолкли, девушка опустилась на четвереньки, сморщила лицо, изображая пяточок, и захрюкала.

– Давай, дорогая! И это все, на что ты способна?!

Стефания, вероятно, думала только о деньгах, и мне кажется, могла бы ради такой суммы сделать и что-нибудь покруче, но, когда я увидела, как она ползет вперед, хрюкает и начинает тыкаться носом в колени одного из мужиков, притворяясь, что ищет трюфель, меня реально затошнило. Гости улюлюкали и завывали. Одна за другой девушки опускались на четвереньки, превращаясь в коров, овец, коз, куриц, они хрюкали и мычали, блеяли и тыкались в колени гостей в свете факелов. Я не могла на это смотреть, но зато у меня появился отличный предлог свалить отсюда. Перешагнув через девушку, которая вопила, как осел, пока кто-то из гостей изображал, что трахает ее сзади, я подошла к Шталю и отвела его в сторону:

– Я уезжаю. Пожалуйста, будь добр приготовить лодку к отплытию! Вещи донесу сама!

– Элизабет, что случилось? Не твоя тема? Да не надо так напрягаться, детка! Расслабься и получай удовольствие!

– Я не напрягаюсь, я в ужасе! Поэтому я уезжаю! Хорошо тебе повеселиться!

Он догнал меня уже у дверей моей комнаты. Я даже вещи толком не успела распаковать, поэтому на сборы мне нужно было пару минут.

– Дорогая, мне казалось, что вчера мы отлично провели время! Ты не можешь просто взять и уехать!

– Еще как могу!

Шталь попытался сделать страшное лицо, но из-за МДМА смог лишь глупо улыбнуться, и вот тогда мне действительно стало не по себе. Он был на сто процентов уверен в том, что весь этот ужас, который он там устроил, и есть настоящее удовольствие. Смотреть на это было совершенно невыносимо.

– Не люблю неблагодарных девочек!

– А мне по хрен, что ты любишь! Скажи шкиперу, чтобы готовил лодку, иначе я позвоню в полицию Ибицы и скажу, что ты вот-вот взорвешь, к чертям собачьим, свой жалкий маленький рай, так что о пенсионных накоплениях в ближайшие

пять лет они смогут вообще не беспокоиться!

- Да ладно, дорогая... - растерялся он. - Элвин же говорил, что ты...

Что такого мог ему рассказать Элвин? И с кем еще трепался этот идиот? Больше всего на свете мне сейчас хотелось врезать Таге в нос, чтобы он уже наконец заткнулся и в ближайшую неделю вообще не смог разговаривать, тем более про Элвина! Но на это времени не было, надо было срочно убираться отсюда. Из всех сил пытаюсь справиться с напряжением и скрывая предательскую дрожь в голосе, я сдержанно ответила:

- Мы с Элвином не знакомы. Просто приготовь мне катер. Спасибо за гостеприимство.

Чемодан лежал на кровати, я потянулась к молнии, и тут Таге схватил меня за плечи и прижал так, что лицо оказалось зажатым между чемоданом и пухлой кожаной сумкой «Боттега Венета». Хихикая, этот извращенец стал лизать меня в ухо и приговаривать:

- Расслабься, детка! Ну же, давай! Просто отдайся!

Прикрыв глаза, я расслабила мышцы, он почувствовал это, прижался ко мне теснее и просунул ладонь между ног:

- Вот так, милая, вот так! Да, да...

Его сложно было в чем-то винить. Честно говоря, в прошлый раз я была не против. Но звуки композиции «Knights of the Jaguar» все еще заглушали обезумевшие, инфантильные завывания и хрюканья. Шталь начал задиравать мне платье, я раздвинула ноги пошире, а сама тем временем нащупала в сумке щетку для волос. Воодушевленный таким успехом, Шталь зажал меня между коленей и начал шарить в полах расшитого блестками кафтана. Я сделала глубокий вдох и изо всех сил двинула щеткой «Мейсон Пирсон» ему прямо между ног. Нет ничего лучше настоящей щетины, уж поверьте мне! Он удивленно ахнул, повалился на бок, упал с кровати и скорчился на полу, издавая дикие стоны, но не прекращая хихикать. На этот раз я решила обойтись без поцелуев на прощание.

Спустя два часа я сидела в баре в порту Ибицы, спиной к белому конусу обнесенного стеной старого города, и пила один коктейль за другим, поставив сумку под столик. Времени было еще всего лишь два часа ночи, для Ибицы время детское. Мимо продефилировали девушки в силиконовых костюмах муравьев, раздававшие флаеры какого-то клуба, за ними команда садо-мазо рабов, соединенных между собой цепями, кнутами и подвязками из латекса. Один из них, высокий красавец с иссиня-черной кожей, выдававшей в нем уроженца Сахары, и снежно-белыми волосами, послал мне воздушный поцелуй. Во время поездки на катере Шталя я успела сменить платье на джинсы и рубашку. Капитан сначала немного растерялся, но розовая суперкупюра убедила его в том, что мне срочно нужно попасть в город. Надеюсь, Стефании все-таки удалось получить вождеденную награду.

Я подумывала выпить четвертый коктейль и отправиться на поиски отеля на эту ночь, и тут за соседний столик завалилась целая компания парней. «Парни» – самое подходящее для них слово. Коки, татуировки, мышцы, идеальный загар. Я расправила плечи, что заняло у меня чуть больше времени, чем я ожидала. Они поглядывали на меня, и мне вдруг от души захотелось ответить им взаимностью. К столику подошла официантка с дредами, и они очень вежливо заказали пиво, несмотря на то что джинсовые шортики едва прикрывали ей попу. Это мне понравилось.

– Спросите, пожалуйста, у дамы, можно ли ее угостить.

– Спасибо! Мне – бурбон, неразбавленный, – ответила я, думая, что парни нравятся мне все больше и больше.

Они развернули стулья ко мне, и мы выпили за знакомство.

– Как тебя зовут?

– Лиз.

– Здорово, Лиз! Ну, за знакомство!

– Первый раз на острове? – спросила я с таким видом, как будто всю жизнь сюда езжу, а не провела на Ибице всего тридцать шесть часов.

– Ага. В прошлом году ездили в Грецию, но там было скучно. Слишком много детей.

Ребята оказались сами из Ньюкасла, и я почему-то рассказала им, что и сама тоже с севера, – уже несколько лет я никому об этом не говорила. Мы немножко поболтали, следующий раунд выпили за мой счет, они выкурили косяк, а потом один из них взял меня за руку и повел прогуляться по набережной, его друзья помахали нам, подмигнув ему на прощание. И вот мы уже в такси, целуемся, и его губы нежные и приятные, и пахнет от него приятно. Их квартира на возвышении над Плайя-ден-Босса пропахла табачным дымом и юношеским потом. Он достал откуда-то наполовину пустую бутылку сладкого белого вина, и мы сделали по глотку прямо из горла, пока он снимал одежду с меня, а потом с себя, не переставая целоваться со мной. У него на запястье была татуировка – алая змея обвивалась вокруг руки, а на лопатке виднелась голова с раскрытым ртом и устрашающими клыками. Мы упали на его незастеленную кровать, я с наслаждением растянулась на простынях, и он тут же оказался поперек меня, одной рукой придерживая меня за запястья, и начал ласкать меня языком. Я подсказала, что язык надо держать плоским, а движения должны быть уверенными и нежными, и он в точности выполнил мои инструкции, почти доведя меня до оргазма, но я отпихнула его от себя и села:

– Дай-ка на тебя посмотреть.

Он встал у кровати, провел рукой по волосам и смущенно опустил глаза. Под головой змеи на груди были вытатуированы игральные кости в сине-черных тонах, узкая, потрясающая талия, идеальные гладкие мышцы над бедрами делали его похожим на античную статую.

– Ты похож на куроса.

– На кого?

– Да не важно. Сколько тебе лет?

– Девятнадцать.

– Повернись. Подними руки и сцепи их на затылке. Да, вот так.

Я подползла к нему по несвежим простыням и принялась гладить его лопатки, такие нежные и как будто бы хрупкие. Ямочки на пояснице покрывал светлый пушок. Наклонив голову, я стала вылизывать его ягодицы, пробуя его на вкус, едва касаясь кончиком языка, впитывая естественный запах его тела до тех пор, пока он тихонько не застонал и не нагнулся, подставляя мне анус. Увидев некоторое количество юношеских прыщиков снизу на ягодицах, я едва не влюбилась в него. Я вылизывала его до тех пор, пока яйца не стали совсем влажными от слюны, потом повернулась, легла на спину и раздвинула половые губы двумя пальцами, глядя ему в глаза.

- Иди сюда!

- Ты этого хочешь?

- Да! Да, хочу!

Он нежно вошел в меня, и мы оба рассмеялись – то ли от травки, то ли оттого, что все происходило так легко и приятно. Некоторое время я заставила его не двигаться, прислушиваясь к пульсации его члена внутри меня, а потом крепко обвила его талию ногами, привлекая к себе, и стала медленно вращать бедрами, подаваясь ему навстречу, раз, два, три, пока он не застонал, и я уже решила, что вот-вот упущу его, но тут он резко приподнял меня, придерживая за щиколотки, и я практически встала на лопатки, а он вошел в меня целиком одним резким движением и продолжал ритмично двигаться, пока я не кончила еще раз и не сказала ему ускорить темп, и мне показалось, что клитор начинается глубоко, у самой шейки матки, а он держал меня так крепко, что двигался только его член, и я кончила так, как притворялась, занимаясь сексом со Шталем, – откинув голову назад и громко крича.

- Куда ты хочешь?

- На грудь, прямо сейчас!

Первый толчок пришелся мне под ребра, а потом я сразу же ощутила, как его горячая сперма стекает по моим соскам. Окунув в нее пальцы, я облизала их, потом провела по липкой груди ладонью и втерла сперму в клитор.

- Вкусняшка!

– Твоя киска просто создана для моего члена!

– Обсудим, когда ты трахнешь меня еще раз!

Надо сказать, так он и сделал.

6

Венеция – город изысканных наслаждений, но таких выдающихся любовников столь юного возраста у меня там как-то не случилось. К тому времени как я вернулась на площадь Санта-Маргерита, сладкие воспоминания о моем безмянном малыше почти стерли из памяти отвращение, которое я испытывала по отношению к Шталю и самой себе. Почти. Во всей истории сквозило что-то неконтролируемое и бессмысленное, и это ощущение лишь усугубилось во время долгой дороги домой: паром до Барселоны, потом еще один до Генуи, а затем на поезде через всю Италию. Дело в том, что я до сих пор побаивалась паспортного контроля в аэропортах. После Рима я ни разу не летала на обычных рейсах, потому что так вышло, что в Тибре остался труп арт-дилера Кэмерона Фицпатрика, а у меня появилась краденая картина-подделка. После поездки на Ибицу я стала напряженной и раздражительной, пыталась отвлечься подготовкой к новому показу, но продолжала пребывать в дурном расположении духа после неудачной встречи с Ермоловым. Молодая датская художница Лив Ульсен согласилась продать мне все десять картин из серии «Невероятные свертки», и теперь я искала какие-нибудь работы для контраста – или «диалога» – с работами датчанки. В нашей области необходимо учитывать семантический аспект, хотя на данный момент я пребывала в таком состоянии, что меня воротило от всех этих разговоров «за искусство». Занятия, которые обычно успокаивали меня, перестали приносить удовольствие. Я стала какой-то дерганой и беспокойной, хотя только что вернулась. Стала чаще заходить в «Фейсбук», с одной стороны боясь увидеть сообщение от Анджелики Бельвуар, с другой – испытывая совершенно необъяснимое разочарование, когда обнаруживала, что френдлента выглядит, как всегда, скучно. У меня даже было искушение написать ей самой, представившись Элизабет, но надо было умерить свое любопытство и не забывать о том, как опасно привлекать к себе внимание. Ситуация, конечно, меня изрядно подбешивала, но пока я ничего не могла с этим сделать.

Время я воспринимала на тот момент в основном фрагментарно. Темп моей жизни нарастал, я работала все упорнее и упорнее, но почему-то продолжала ощущать какое-то... нетерпение. Как будто чего-то ждала, но сама не знала чего. Единственным, что доставляло мне тогда искреннее удовольствие, были занятия с Машей. Да, она придумала свою жизнь, ну и что? Она заново создала себя, совсем как я, и разве можно винить ее в желании сделать мир более ярким и интересным, чем ее ограниченное существование? Это чувство было мне слишком хорошо знакомо. Я обожала ее рассказы, ее аккуратную черную фигуру в огромном кресле в клубах табачного дыма. У меня никогда не было бабушек и дедушек, но, наверное, я была бы рада иметь такую бабулю, как Маша.

Мы встречались раз в неделю и начинали с мучительного повторения склонения русских существительных, а потом курили и болтали о том о сем. Маше, естественно, нравились сигареты «Собрание» с золотым фильтром, и я обычно покупала ей пачку по дороге на урок. Однажды она с наслаждением уселась в шезлонг с сигаретой и чашкой крепкого чая без молока, и я спросила, знает ли она, кто такой Павел Ермолов.

– Он отвратительный человек! – воскликнула Маша по-английски.

Мы могли бы общаться и на итальянском, но Маша любила практиковаться в английском и изъяснялась на нем вполне понятно, хотя и немного странно выбирала слова. Моя учительница утверждала, что по-английски ее научил говорить некий знаменитый любовник в пятидесятые годы. Иногда он становился английским композитором, иногда – американским писателем. Однажды она обмолвилась, что это был сам Стэнли Кубрик, но быстро сообразила, что с ним вполне могла бы говорить и по-русски.

– А почему?

– Он совершил много ужасных вещей в моей стране. Он и его братия.

– А что такого сделал Ермолов?

– Я точно знаю, что он убийца!

– Правда, что ли? – спросила я по-русски.

– Несколько лет назад в Москве Ермолов захотел построить новый жилой квартал. А жителей старого квартала он просто убивал. Одного за другим. Каждый день люди умирали. И под конец все уже были настолько напуганы, что отдали ему свои квартиры за бесценок.

– Он мне работу предлагал, – задумчиво произнесла я, – а я отказалась.

– Рада слышать! Насильники они все!

Особого внимания на инсинуации Маши я не обратила. Для начала она даже в Москве ни разу не была, а такие жуткие слухи ходят насчет всех богатых русских. Я попробовала еще раз завести разговор на эту тему, но Маша уже пустилась в рассуждения о том, сколько несчастий выпало на долю ее любимого народа. Я с удовольствием слушала ее очень индивидуальную версию европейской истории, время от времени перемежавшуюся шлягерами из ее старого репертуара. Ее голос стал хриплым от времени и сигарет (она с радостью начала курить, как только ушла со сцены), и хотя даже в лучшие годы она смогла стать лишь хористкой в театре «Ла Фениче», мне ее пение казалось просто великолепным.

Однако в тот вечер, вернувшись домой уже ближе к вечеру, я никак не могла выкинуть из головы слова Маши. «Насильники», сказала она, «бандиты». Крепкие эпитеты! Я вспомнила зловещее спокойствие Ермолова, когда он разбирался с проникшей на территорию женщиной, его паучьи пальцы. Я вполне могла себе представить, что он с легкостью избавится от любого, кто встанет у него на пути. Возможно, именно поэтому он показался мне привлекательным, именно поэтому я до сих пор злилась на саму себя из-за того, что не смогла произвести на него впечатление. Но тут в сумочке завибрировал мой личный телефон. Пришло сообщение от Стива – человека, который, сам того не понимая, помог мне открыть свою галерею. После неудачной истории с Джеймсом, которая произошла летом в отеле «Дю-Кап-Эден-Рок», мне обманом удалось проникнуть на яхту Стива и поплавать с ним по Средиземному морю. В обмен на то, что я смогла добыть ему важную информацию из кабинета некоего Михаила Баленски, Стив помог мне открыть счет в швейцарском банке, на который я положила деньги, украденные из бумажника бедняги Джеймса. Всего-то десять штук, но тогда они казались мне целым состоянием. Счет стал крайне полезной штукой. Туда же я перевела деньги от продажи поддельного Стаббса. Благодаря этой картине я сначала потеряла работу в «Британских картинах», а потом

начала работать арт-дилером. Время от времени я покупала что-нибудь для коллекции Стива, поэтому решила, что он, наверное, хочет приобрести очередной объект современного искусства, но сообщение в WhatsApp оказалось совсем другого содержания:

Только что купил билеты на «Горящего человека»! Классно!

Карлотта просила передать, что приглашает тебя на свадьбу!

Насколько я могла судить по его редким сообщениям, миллиардер и брокер Стив в последнее время стал замечать, что настало время «отдавать». Ну или, по крайней мере, до него наконец-то дошло, что филантропия – крайне выгодная штука с точки зрения налогообложения. А вот свадьба Карлотты – это новость. Когда я познакомилась с ней на яхте Стива, она была помолвлена с мрачным немцем по имени Герман, в основном благодаря своими потрясающим сиськам. Неужели он и есть счастливый жених? Я ответила Стиву:

Классно! Когда и где?

Он сразу же написал мне в ответ, что с ним случалось нечасто – обычно самый простой обмен сообщениями со Стивом занимал несколько недель.

Монако. Суббота. Ужин в пятницу вечером.

То есть завтра вечером, отлично! Вполне в духе Стива считать, что все могут постоянно болтаться из одной страны в другую, как это делает он.

Тут как по команде завибрировал рабочий телефон. Чертов «Фейсбук»! Чертов Элвин!

Привет, Элизабет! Ты куда пропала? Офигенно крутую вечеринку пропустила!!! Как-нибудь загляну к тебе в галерею! Чао, целую.

Может, нам вообще всем носить электронные кандалы, как американским заключенным, чего уж мелочиться?! Это была последняя капля! Уткнувшись лицом в привезенный из Парижа килим, я пару раз задумчиво потерлась головой о мягкую шерсть. Все складывается прекрасно, учитывая все вводные. Снова добираться на поезде до Милана и ехать в Ниццу, конечно, запарно, но я с удовольствием почитаю что-нибудь, а если Элвин и правда вздумает зайти в галерею, то меня чудесным образом не окажется дома. Я узнала у Стива подробности предстоящего торжества, позвонила в «Трениталию» и забронировала очередной билет на Ривьеру.

Репетиция ужина Карлотты должна была состояться в ресторане Жоэля Робюшона в отеле «Метрополь». Поскольку я отказалась от обещанных Ермоловым ста штук, жить нужно было поскромнее, поэтому я сняла номер в простеньком отеле у французской границы в Кап-д'Ай, но таксист, отвезший меня туда с вокзала в Ницце, предупредил, что лучше сесть на автобус до Монако, поскольку тут действовали какие-то странные законы и с шести до восьми вечера таксистам было запрещено въезжать на территорию княжества. Дресс-код для ужина Карлотта обозначила как «Ривьера-шик», но что она имела в виду, осталось для меня загадкой. Я чувствовала себя немного странно, ожидая автобус на выдавшей виды остановке в нежном, расшитом цветами шелковом платье от Эрдема. Однако сама поездка на многое открыла мне глаза. Когда белый автобус наконец подъехал, ни одна из пассажирок даже не взглянула на гофрированные оборки моего платья в пол, наверное, потому, что сами они выглядели, как будто только что вернулись с девичника в универмаге «Селфриджес». Сумочки с монограммой Сен-Лорана с шуршанием терлись о стеганые клатчи «Шанель», корсеты с радужными лентами от Алайи соревновались с золотыми молниями «Бальмен», а каблуков ниже восьми сантиметров тут вообще не наблюдалось. Но только когда я начала прислушиваться к разговору сидевшей за мной пары – женщины постарше, уткнувшейся в свой айфон, и поразительной красавицы, которая, судя по всему, приходилась ей дочерью, – до меня наконец дошло, что я оказалась среди проституток. Разумеется, не самого высокого уровня, раз они еще не успели обзавестись квартирой в самом ужасном уголке Европы с точки зрения налогообложения, и все они направлялись на ночную смену. Сидевшая за мной мать была сутенершей собственной дочери и занималась обсуждением

программы вечерних вызовов на хорошем, чопорном английском, а девушка спокойно смотрела в окно из-под прямой снежно-белой челки. Автобус медленно пробирался по серпантину, я прикрыла глаза и стала прислушиваться к разговорам этих экзотических птичек. Я словно оказалась в Лондоне на своей бывшей работе в клубе «Гштад» и сразу узнала привычные разговоры, сопровождающие торги между красотой и деньгами, которые когда-то слушала каждую ночь. Вот только эти девушки были серьезными профессионалками. Через проход от меня еще две блондинки обсуждали степень, в которой разные противозачаточные таблетки помогают сократить период менструации:

- Ну ты же знаешь этих арабов! Если у тебя месячные – всё, на выход!

Брюнетка с соблазнительными формами мило ворковала с клиентом по телефону, а сама закатывала глаза и показывала своей хихикающей подружке, что ее сейчас стошнит.

На их месте могла бы быть я, подумалось мне. Много лет я потратила на изучение мира прекрасного, полагая, что талант, энергия и ум помогут мне сделать настоящую карьеру в мире искусства, но вскоре узнала, что этого недостаточно и что моего босса Руперта интересует исключительно мое тело. Воспользовавшись телом, я обманула весь мир и начала собственную игру. Однако все легко могло бы сложиться совсем иначе, этого я отрицать не могла.

Коридоры, ковры, незнакомые лица в безликих гостиничных номерах, профессиональные трюки и сложенные купюры, мясорубка в горячей ванне, а потом ползешь домой на рассвете, едва держась на ногах. Через мягкую кожу сумочки я нащупала бумажник, аккуратно свернутую пачку пятидесяток, кредитные карточки, ключи от моей роскошной квартиры в Венеции, но все эти талисманы почему-то впервые не придали мне уверенности в себе. Я не чувствовала благодарности судьбе за то, что не принадлежу к этому миру, а лишь отстраненность и пустоту, как будто бледный шифон платья защищал меня, подобно доспехам. Глядя на этих задорных, смирившихся со своей судьбой девушек, я ощущала лишь одиночество.

Что ж, вот такая история вышла, и что дальше? Возьми себя в руки, Джудит! У тебя же есть друзья, правда? Даже несколько! Сейчас встречу с Карлоттой и Стивом, да и Монако я никогда не видела. Работницы любви покинули автобус, и я сразу пришла в себя. Поднимаясь на холм к «Метрополю», я миновала «феррари», сияющий оранжевый «бентли»-кабриолет и мужчину, подозрительно

похожего на Джонни Холлидея, и наконец дошла до входа в отель. Карлотта встречала гостей у дверей банкетного зала ресторана в развевающемся открытом платье от Пуччи, на котором на всякий случай были разрезы с обеих сторон. Здоровенный камень, который я видела на ее левой руке, уступил место еще более внушительной композиции из желтых бриллиантов. Присмотревшись к лысому очкарику, восторженно сжимающему руку невесты, я заметила, что и Герман уступил место, причем, кажется, своему дедушке. Карлотта с сомнением воззрившись на меня, но тут же узнала и бросилась мне на шею, как будто я была ее давно потерянной сестрой. Мы немножко пообнимались и поцеловали пустое пространство, а я, улучив момент, шепнула ей на ухо:

- И как зовут счастливчика?

- Франц, - ответила она. - Он швейцарец!

- А куда делся Г.?

- Ой, ты знаешь, в тюрьму попал, - невозмутимо прошептала она и помахала рукой очередному гостю.

Я подарила ей набор тончайших салфеток из венецианского кружева, который немедленно был погружен на стол в кучу пакетов всевозможных брендов. Что бы ни ждало Карлотту в этом браке, дефицита пепельниц от «Эрме» у нее точно не будет!

Стив разглядывал восковые лепестки зловещей красно-коричневой орхидеи и, как всегда, ковырялся в своем телефоне. Из brutального капиталиста и акулы финансового мира он превратился в адепта нью-эйдж, о чем говорили брюки карго и тонкий красный кожаный шнурок, повязанный на запястье. В остальном выглядел он как обычно, то есть блестяще и немного неуклюже. Я зашла за увитую плющом колонну, чтобы попасться ему на глаза.

- Привет, красавица! - поздоровался он.

Еще на «Мандарине» Стив знал меня под именем Лорен - мое настоящее второе имя, которым я начала пользоваться в качестве псевдонима, когда работала в клубе «Гштад», и еще для некоторых дел. Пришлось ему наврать, что я сменила имя на Элизабет из профессиональных соображений, чтобы сохранить лицо,

однако сомневаюсь, что Стив помнил мое первое имя, хотя мы целое лето провели с ним в одной постели на его яхте.

– Как жизнь?

– Да вообще улет! Только что вернулся с церемонии айяуаски в Перу, классно! Хочешь видео покажу?

Ох уж этот старина Стив! Вечно он узнает обо всем последним!

– Нет уж, спасибо! Нам же сейчас за стол!

Ничего остроумного насчет галлюцинаторной рвоты я сказать не могла, поэтому спросила про его занятия благотворительностью. В последний раз мы со Стивом виделись в конце весны на выставке «Стамбул контемпорари», и он рассказал мне, что основал благотворительный фонд с целью помочь трем миллионам людей выбраться из нищеты за три года. Я тогда еще подумала: не изобрел ли он алгоритм подсчета количества выбравшихся?

– Замечательно! Мы обеспечили сто тысяч детей в Сомали планшетами! – гордо ответил он.

По-моему, дети, наверное, предпочли бы обед, но вслух ничего не сказала, поскольку Стив бы смутился и растерялся. Мимо проходил официант с роскошными коктейлями на подносе, я потянулась за бокалом одновременно с другой женщиной.

– Прошу прощения – только после вас.

– Нет, что вы, только после вас!

Мы смущенно уткнулись в вырезанные из дыни спирали, а потом я наконец представилась:

– Меня зовут Элизабет, я... старая подруга Карлотты.

– Думаю, мы с вами встречались.

– К сожалению, мне так не кажется.

– Наверное, я ошиблась, прошу прощения. – Она с любопытством посмотрела на меня. – Меня зовут Елена.

– А вы знакомы с женихом или с невестой, Елена?

– Знаю Франца по Санкт-Морицу. У нас с мужем там дом.

– Как чудесно!

Елена была на пару десятков лет моложе винтажного Франца и когда-то наверняка была красавицей, но сейчас ее лицо представляло собой сочетание ботокса и гиалуроновой кислоты, которое вполне можно было бы назвать «ночной кошмар жены-трофея». Губы были накачаны ботоксом и так сильно выходили за естественные границы, что казалось, могут упасть, как подушки с дивана, а настоящие скулы давно потерялись под двумя пухлыми пластиковыми яблочками, которые так сдавливали зеленые глаза Елены, что она напоминала постоянно щурящуюся кошку. Издалека ей можно было дать лет тридцать, но вблизи она выглядела как горгулья без возраста. За время житья в Венеции я привыкла к таким лицам, удивленно глядящим на мир из-за высоких собольих воротников или платков «Фортуни», но самое ужасное во всем этом было то, что этот мир уже воспринимался как нечто совершенно нормальное.

Когда мы с Карлоттой виделись в последний раз, она была одной из тысяч авантюристок Ривьеры, от шлюх из автобуса ее отделял всего один шаг, и она крепко ухватилась за свой шанс, вцепившись в безопасное и обеспеченное существование всеми своими наманикюренными ногтями. Ее перспективы явно улучшились, теперь у нее был реальный шанс выйти замуж, но сомневаюсь, что она была первой, второй или даже третьей миссис Франц, и конечно, жены его друзей обязаны принять ее в компанию, но у всех них в глазах стоит один и тот же вопрос: ладно, а кто следующий?

Снова повернувшись к Елене, я спросила, пойдет ли она на прием завтра вечером.

– Да, там и увидимся, – ответила она и отошла.

Она говорила с русским акцентом, но я еще не чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы попробовать заговорить на ее языке. Я снова подошла к хозяйке, которая буквально на секунду выпустила жениха из своих ручек.

- Поздравляю! - восхищенно сказала я. - Я так за тебя рада!

- Ну, Францу, конечно, семьдесят, но зато он на меня запал по-настоящему, ну ты понимаешь!

- А как же иначе, дорогая?

- И никаких с ним хлопот, если ты понимаешь, о чем я. Мой тебе совет: найди хорошего старикана! - доверительно наклонилась она ко мне. - Меньше проблем! У нас дом в Швейцарии. Там мы живем с ноября по февраль. Приезжай в гости! Ну и квартира в Цюрихе, здесь вот еще домик на берегу. Франц не так уж плох, - заметила она, - и яхта, конечно! Спасибо, что приехала! - Она пожала мне руку. - Ты одна из моих самых близких подруг!

Разглядывая около сорока человек, с трудом перемещавшихся по этим джунглям из орхидей, я думала о том, насколько же Карлотте не хватает друзей, если она назвала меня близкой подругой. Думаю, она позвала меня просто для того, чтобы показать всем, что у нее якобы есть подруги. Вообще-то, хищницы вроде нее всегда охотятся в одиночку. Однако в каком-то смысле она была мне очень симпатична. Я, может, и не разделяю ее любви к таким ресторанам, но вот ее честность и безжалостность меня восхищают.

Когда на следующий день мы собрались дома у Франца, я мысленно заплотировала Карлотте. Дом находился на побережье, прямо у подножия знаменитой Скалы, на которой расположен дворец князя Монако, и напоминал изысканный декоративный павильон кремового цвета. Узкий длинный коридор вел в шестиугольную гостиную, а из нее гости проходили в сад с видом на море. По дороге я успела заметить пару инкрустированных комодов эпохи Людовика XV и картину Макса Эрнста сюрреалистического периода, но присмотреться не удалось: замученная свадебная распорядительница утащила меня наверх. Там, в окружении десяти женщин из вчерашних гостей, стояла ничуть не смущающаяся своей наготы Карлотта. Остальные дамы с разной степенью грациозности

пытались влезть в эротическое белье от «Эрес», больше похожее на колготки в сетку телесного цвета, только вот закрывающие все тело.

– Это свадебный подарок для Франца! – объявила Карлотта таким тоном, как будто это все объясняло, и помахала у меня перед глазами левой рукой с золотым обручальным кольцом.

Да эти синтетические чехлы могут помешать нам вручить наши подарки, подумала я, но послушно сняла шелковый пляжный костюм, скинула нижнее белье и принялась натягивать на себя этот ужас.

– Я решила устроить живую картину! Боттичелли! Франц – большой любитель искусства!

Вообще-то, для меня непринужденное общение с незнакомыми голыми людьми – штука привычная, но тут даже я немного растерялась и спросила:

– То есть церемония уже состоялась?

– Ну конечно, расписались в мэрии сегодня утром. Франц с мальчиками в казино. Я решила, что мальчишник на всякий случай будет разумнее провести после свадьбы!

– Да уж, в Монако с этим надо поосторожнее! – захихикала одна из стрип-моделей.

– А мы что? – еще раз попыталась я выяснить, что происходит.

– А мы зайдем места в саду и будем ждать их приезда. Вы, дамы, будете изображать волны, а я – Венеру!

– Венеру?!

– Ну богиню, – снисходительно пояснила Карлотта. – Знаешь, такая картина есть, где она на ракушке большой стоит?

– Ах да! Венера! Потрясающе, Карлотта, отличная идея!

Карлотта завернулась в огромный отрез белого креп-жоржета и повела нас в сад. Жены гостей молча повиновались и с несчастным видом потрусили за ней. Отказалась принимать участие в этом шоу только одна женщина невысокого роста в строгом бежевом костюме. Карлотта щелкнула пальцами у нее перед носом, проходя мимо кресла под картиной Эрнста, где сидела отщепенка, но та проигнорировала ее жест.

– А это кто? – спросила я.

– Моя обожаемая падчерица!

Распорядительница ждала нас в саду с огромными веерами всех оттенков синего: от бирюзового до ультрамарина. Невеста взгромоздилась на фонтан, так что мы все могли лицезреть декорации ее медового месяца. Нам сказали расположиться на боку, опираясь на одну руку, а распорядительница начала без особого энтузиазма показывать нам, как надо изображать волны с помощью веера. Трава колосась, да и муравьев в ней оказалось прилично, но мне стало ясно, что из дома мы и правда будем казаться океаном обнаженной женской плоти, а Карлотта будет парить над нами, как настоящая богиня. Какой эффектный и на удивление трогательный жест с ее стороны!

Распорядительница вместе с ассистентками отошли за фонтан и занялись сборкой огромной пластиковой раковины, которая должна была еще выгоднее подчеркнуть неземные достоинства Карлотты.

– Это она в «Харперс» подсмотрела, – прошептала лежащая рядом со мной дама. – Бред какой!

Присмотревшись, я узнала Елену. Времени у меня было предостаточно, потому что нам было сказано лежать и не двигаться, так что в складках наших рукотворных тел уже начал скапливаться пот. Струнный квартет устроил тайную репетицию за ракушкой, и, когда музыканты шли мимо нас, кого-то умудрились уколоть ножкой виолончели. У Карлотты случился средней тяжести истерический припадок из-за белых роз и гвоздик, подвешенных на невидимых нитях и постоянно запутывавшихся в ее идеально завитых локонах, две водные нимфы взяли самоотвод под предлогом того, что недавно делали пилинг и теперь им нельзя находиться на солнце, поэтому к тому моменту, как музыканты отыграли «Весну» Вивальди на глазах у пребывавших в состоянии легкого шока

Франца и его гостей, мы все еще напоминали «Венеру», но не Боттичелли, а Кранаха. Ту, где изображен разъяренный рой пчел.

– Ну что за люди! Никакой творческой жилки! – ворчала Карлотта уже после того, как Франц вместе со своей вновь одетой любимой прошеествовал по усыпанной розовыми лепестками дорожке к бедуинскому шатру из белого шелка, где предполагались танцы.

– Вот, например, Поппи Бисмарк заказала свадебный торт самому Хестону Блюменталю, и что? – вопрошала Карлотта, многозначительно глядя на свой смартфон. – Лайков-то все равно только две тысячи!

7

Дело сдвинулось с мертвой точки через несколько дней после моего возвращения в Венецию. Точнее, сдвигаться начали предметы в моей квартире. Сначала футболка, в которой я обычно занималась спортом, загадочным образом исчезла из корзины для белья, а потом любимая чашка обнаружилась на подоконнике, хотя я была совершенно уверена, что помыла ее и поставила на место на полку, прежде чем уйти на работу в галерею. А еще кто-то, судя по всему, прикладывался к моему вину, хотя тут, может, мне и некого винить, кроме себя самой. Ну и наконец, в буфете до сих пор лежала загадочная шоколадка, которую я умудрилась купить еще до отъезда на Ибицу. Присмотревшись к ней, я поняла, что мне уже тогда начало казаться, что в квартире творится что-то неладное. Призраки для Венеции такое же клише, как и маски. Возможно, поэтому мне здесь так нравилось, однако мои собственные призраки обычно держали себя в руках. Я выбросила шоколадку в мусорное ведро, хлопнула крышкой и сказала себе, что это все глупости.

Но потом странные вещи начали происходить с книгами. Я забрала свой заказ из магазина «Либрерия Толетта» – несколько каталогов пекинских художников и новую биографию Тициана, – оставила сумку с книгами на столе, а сама пошла в крошечную квартирку Маши на урок. По дороге я зашла в сувенирную лавку вроде тех, где туристам втюхивают сомнительные византийские иконы. В дальнем углу зала у них была полка с русскими товарами: банки с красной икрой, ароматизированный черный чай, варенье из розовых лепестков, которое Маша аккуратно раскладывала в хрустальные розетки и подавала вместе с крошечными галетами после урока. Думаю, от этого маленького проявления

роскоши я получала даже больше удовольствия, чем она.

К своему удивлению, Машу я обнаружила сидящей на пластмассовом стуле на крошечной площади перед ее домом. Вообще-то, она редко выходила из дому, если не считать ее пафосной еженедельной прогулки на рынок Риальто. Пару раз я даже ходила туда с ней за компанию и помогала нести пакеты с продуктами. Она обмахивалась огромным черным веером, цепляясь за руку мужчины, в котором я узнала официанта из кафе на углу. Еще одна женщина в голубом нейлоновом халате – наверное, соседка – протягивала ей стакан с водой.

– Маша! С тобой все в порядке? – по-русски закричала я.

– Ее квартиру ограбили, – сообщила мне по-итальянски незнакомая женщина.

Я наклонилась к Маше. Яркий макияж потек, превратив косметику в угольную массу. Судя по всему, она плакала.

– Синьора была в церкви, – сжалился надо мной официант, – а когда вернулась, в ее квартире был какой-то мужчина.

– О боже, Маша! Что произошло? Ты вызвала полицию!

– Они как пришли, так и ушли. Ничего не взяли, – добавила женщина почти что разочарованным тоном. – Однако синьора сильно испугалась!

На Маше были аккуратные белые перчатки с пуговками на запястье. Я ласково взяла ее за руки, заметив про себя, какие они хрупкие и крошечные.

– Маша, я понимаю, что ты очень расстроена, но ты успела его разглядеть?
Грабителя?

– Нет, нет...

– Прошу прощения, – вмешался официант, – но мне нужно вернуться к работе. Я бар без присмотра оставил.

– Все в порядке, я ее ученица. Мы ведь сможем сами о ней позаботиться? – вопросительно взглянула я на незнакомку. – Пойдем домой, Маша, давай!

Соседка рассказала, что живет на другой стороне площади. Она услышала, как Маша зовет на помощь. Вор столкнулся с ней в дверях, выбежал на лестницу, и никто его больше не видел.

– Карабинеры пришлют психолога, – фыркнула она.

Мы помогли Маше подняться наверх, я сразу же вызвала мастера, чтобы поменять замок, а соседка поставила чайник. Маша раз за разом пересказывала случившееся: как она поехала на вапоретто поставить свечку в соборе Сан-Зан-Дегола, как по возвращении сразу поняла, что что-то не так, как мужчина оттолкнул ее к стене, когда она застала его у себя дома.

– Ты уверена, что он ничего не взял? А полиция все проверила?

Вообще-то, жертвами грабежа в Венеции становятся исключительно туристы. Приехал мастер, я дала им поговорить, а сама незаметно расплатилась с ним наличными. Склонившись над скважиной, он сообщил, что согласен с вердиктом карабинеров: замок не поврежден. Наверное, Маша просто забыла запереть дверь на ключ и вор решил воспользоваться такой возможностью.

– Может, какие-нибудь цыгане, – снова фыркнула соседка. – Никто из нас от этого не застрахован! Я у них так и спросила: а что полиция делает со всеми этими цыганами?

– Тебе, наверное, надо отдохнуть, Маша? – поинтересовалась я, не обращая внимания на соседку. – Этот господин позаботится о твоей безопасности. Давай я помогу тебе прилечь?

– Спасибо, Элизабет! Такая добрая девочка!

– Я позвоню кому-нибудь, чтобы с тобой посидели.

У Маши имелась целая сеть старинных русских подружек, родственники которых работали в бесчисленных отелях Венеции. Для бабушек их жизнь служила

источником постоянной мыльной оперы – Маша часто сплетничала на их счет. Она достала кучу вещей из более чем вместительной сумочки, наконец нашла потрепанную записную книжку, и захлавленная комната в мгновение ока наполнилась пожилыми дамами, явившимися с другого конца города по первому зову подруги, прихватив с собой водку и затхлое печенье в бумажных пакетах. Вскоре на столе уже пытел самовар, и Маша стала хозяйкой настоящего светского раута, возлежа на диване в клубах сигаретного дыма и в окружении щебетавших подруг.

– Ты уверена, что все будет в порядке? – спросила я.

Мне не хотелось уходить – Маша казалась такой беззащитной, – но и навязываться я тоже не собиралась. Учительница потрепала меня по щеке, и я ушла вместе с мастером. Он прикрыл за нами дверь, и тут я кое-что заметила: на стене, позади одной из множества Машиных икон, висела большая воощеная репродукция скорбящей Мадонны с черными миндалевидными глазами. Пока мастер работал, ее не было видно, но теперь я заметила, что толстая бумага в дешевой красной рамке была порвана – точнее, порезана. Овал печального лица рассекал тонкий надрез. Некоторое время я разглядывала репродукцию и думала о том, не мог ли вор искать спрятанные за рамкой купюры. Машу мне лишний раз волновать не хотелось, а сама она заметит не скоро, учитывая, где висела картина. Прикрыв дверь, я спустилась по лестнице вслед за мастером.

Наконец добравшись до квартиры, я обнаружила, что книги лежат на кровати. Разве я их там оставляла? Я так переволновалась за Машу, что совершенно не могла вспомнить. Большой иллюстрированный каталог работ Караваджо был открыт на репродукции «Медузы», той самой картины, великолепную копию которой я видела у Ермолова. Сама я его точно не покупала. Может быть, продавец по ошибке положил его в сумку с купленными мной книгами? Я проверила по чеку. Караваджо в нем не значился. На секунду я даже засомневалась, не случился ли со мной внезапный приступ kleptomании, но неконтролируемые действия в последнее время со мной не случались. На следующее утро я пошла в магазин и вернула каталог. Потом, собираясь на очередное занятие по русскому, я не смогла найти учебник по грамматике, потрепанное красное издание «Пингвин» с русским алфавитом на обложке. Я перерыла весь дом, ругаясь сквозь зубы, но учебник пропал, и это раздражало, как пропажа носков. Пришлось идти без учебника, но, вернувшись и открыв дверь, я тут же увидела его лежащим на карнизе над кушеткой рекамье.

Тот вечер казался мне бесконечным: я сидела у окна, смотрела на кампо и потягивала «Бароло». На следующий день у меня не было особого желания идти в галерею, но я все-таки заставила себя. Вернувшись домой, я заметила, что все лежит на своих местах, и мне сразу стало так стыдно, что я шла домой другой дорогой, сняла туфли, дойдя до лестницы, бесшумно поднялась по ступенькам, беззвучно вставила ключ в замок и распахнула дверь. Прошло еще несколько дней, и вот как-то раз я пошла на рынок, накупила томатов, персиков и килограмм гребешков, а когда пришла домой, каталог Караваджо лежал прямо на полу посреди комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Курто – сокращенное название Института искусств Курто в составе Лондонского университета.

2

Маки – заросли густого кустарника, характерные для побережья Средиземного моря.

Купити: <https://tn.knigapoisk.com/l-hilton/gospozha>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)